

И с р а э л ь Ш а м и р

Каббала ВЛАСТИ

Взгляд в бездну: известный русский израильский радикальный мыслитель, Шамир соединяет воедино легенды о сионских мудрецах с метафизикой глобализации, закат левого движения с ростом еврейского влияния, и борьбу за Палестину с укладом культуры и религии.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НОВОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Израэль Шамир
Каббала власти

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шамир И.

Каббала власти / И. Шамир — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Известный русский израильский радикальный мыслитель Израэль Шамир, родом из Новосибирска, житель Яффы, пришедший к Христу бывший десантник израильской армии, соединяет в этой книге воедино легенды о сионских мудрецах и метафизику глобализации, закат левого движения и рост еврейского влияния, борьбу за Палестину и упадок культуры и религии. Он смеет рассказать о "кровавом навете", сочувствует палестинцам - дерзкая, неожиданная книга, одна из самых популярных книг Шамира. В сборник входит и его каббалистический опыт «Пардес». Содержит нецензурную брань.

© Шамир И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть I. Палестина	5
Зеленый дождь Ясуфа	5
Ода Фарису Оде, или Возвращение Рыцаря	14
Стена	18
Краеугольный камень насилия	22
Цветы Галилеи	26
Пруд Мамиллы	30
Убийцы вампиров	36
Камикадзе из Калифорнии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Часть I. Палестина

Зеленый дождь Ясуфа

Сбор оливок сродни перебиранию четок – это такой же успокаивающий, нежный и чувственный процесс. Восточные мужчины носят на запястьях «месбаха» – четки из дерева или камня. Вызывая в памяти молитву, они успокаивают издерганные нервы, но оливы еще лучше – они живые. Они как деревенские девушки: нежные, но не хрупкие. Собирая их, ощущаешь прилив бодрости: все так хорошо получается! Они отделяются от ветки без страха и сожаления, легко скатываются в ладонь и падают на мягкие подстилки, заботливо разложенные на земле.

Пришла пора собирать урожай, и ни одно деревце на террасированном склоне холма не останется без внимания. Люди отправляются на сбор оливок целыми семьями. Толпясь под деревьями, забираясь на стремянки, они образуют картину, достойную пера Питера Брейгеля Старшего. Мы собираем оливы вместе с семьей Хафеза. Впятером или вшестером мы стоим под густыми ветвями раскидистого, узловатого старого дерева и перебираем живые четки нашей госпожи – благословенной Палестины. Дочка сильного и ловкого Хафеза, семилетняя Роан, с спелой пшеницей волос, небесно-голубыми глазами, непривычными для иностранца, но весьма распространенными в этих краях, и усмешкой на губах, забралась на самую верхушку дерева. Оливы, которые она срывает, зеленым дождем сыплются нам в руки, на плечи и на головы. Перед тем, как перейти к новому дереву, мы поднимаем подстилку за края, и в руках у нас оказывается целый мешок оливок. Рядом щиплет траву светло-серый осленок. Он набирается сил, ведь всю обратную дорогу ему придется тащить эти мешки на себе.

Мы собираем оливы в Ясуфе, блаженной в своем уединении горной деревне. Ее высокие и просторные дома, построенные из мягкого светлого камня – свидетели ее бывшего процветания, достигнутого неустанным трудом. Широкие лестницы поднимаются к плоским крышам, на которых жители деревни отдыхают теплыми летними вечерами, наслаждаясь прохладным бризом с далекого Средиземного моря. Вокруг множество гранатовых деревьев. В описании Палестины, сделанном тысячу лет назад современником Вильгельма Завоевателя, деревня Ясуф упоминается в связи с обилием гранатов и мудростью ее уроженца, просвещенного шейха Аль-Ясуфи, который прославился в далеком Дамаске.

Если это не рай, то место, очень на него похожее. В эту деревню, построенную на гребне холма между двумя долинами, мы прибыли вчера. Прямо над ней, на вершине холма, стоит древнее святилище, «бема», где предкам Хафеза и Роан доводилось наблюдать чудесное единение небесных и земных сил. Жители деревни часто приходят сюда в поисках душевного успокоения, как когда-то делали их предки, жители небольшого израильского княжества: мы на Святой земле, и для ее обитателей ежедневное приобщение к божественному так же привычно, как и ежедневная порция тяжелого труда. Библейские цари пытались запретить местные бемы и монополизировать веру в централизованном храме, более удобном для контроля и налогообложения, но простой народ предпочитал для ежедневного богослужения местные святилища. Крестьяне сохранили двухуровневую религиозную систему, в которой соединяются локальная и универсальная веры. Она чем-то схожа с синтезом синтоизма и буддизма в Японии. Эти люди религиозны, но не фанатичны. Они не носят строгих мусульманских одеяний, а женщины не закрывают свои хорошенькие лица. Эти два аспекта религии – локальный и универсальный – существуют тысячелетиями и успели тесно переплестись между собой. Храм превратился в великолепную омейядскую мечеть Аль-Аксы, а в беме Ясуфа люди и по сей день молятся своему Богу.

Старые деревья, освященные веками... За свою долгую жизнь они слышали много клятв и видели много тайн. Родничок с чудодейственной водой, не высыхающий даже в июльскую жару и отдыхающий дождливой зимой, священная гробница, которая меняла свое название, вероятно, много раз с незапамятных времен, а сейчас называется «Шейх Абу-Зарад». Руины, сохранившиеся с первых дней существования Ясуфа: деревня возникла более четырех тысяч лет назад, и с тех пор всегда была населена. В библейские времена она принадлежала колену Иосифа – сильнейшему из колен Израилевых. Когда Иерусалим попал под власть иудеев, народ, населявший эти земли, сохранил свою отдельную идентичность жителей Израильского царства и со временем принял Христа. Увенчанная куполом рака на вершине холма по-прежнему призывает к молитве. В феврале вершина белеет от цветущего миндаля; сейчас она покрыта зеленью и являет собой превосходный вид холмистой Самарии.

Но мы приехали слишком поздно, чтобы любоваться видом на вершину холма: осенью солнце садится рано. В сумерках мы спустились к роднику – пульсирующему сердцу деревни. Вода неслышно била из разлома в камне, стекала в закрытый желоб и выливалась наружу, чтобы напоить сады. Мы расположились под фиговыми деревьями, и они распростили над нами свои широкие листья, как танцоры японского театра Но раскрывают свои веера, одним грациозным движением. В лунном свете из крон деревьев выпорхнули словно гигантские черные бабочки – летучие мыши, обитатели ближайших пещер, выбрались на воздух, чтобы выпить воды и полакомиться плодами под покровом ночи.

Обычно беседа у родника течет так же свободно и радостно, как и его вода. Нет лучшего места, чтобы посидеть и поболтать с деревенскими жителями об урожае, старых добрых временах, детях и последнем очерке Эдуарда Саида, опубликованном в местной газете. Здешние крестьяне вовсе не невежды: одни из них объехали весь мир, от Басры до Сан-Франциско, другие учились в местном отделении университета. Свое политическое образование они завершили в израильской тюрьме – это практически неизбежный этап воспитания молодых мужчин в этих краях. Там, а может, на строительных работах в Израиле, они научились бегло и красноречиво говорить на иврите, и с удовольствием практикуют этот навык в разговоре с доброжелательным израильтянином.

Но в тот день наши хозяева выглядели угрюмыми, в их печальных глазах было беспокойство. Даже за ужином, угощая нас рисом с орехами и йогуртом, они казались задумчивыми. Причину мы уже знали: новый страх поселился на вершине холма и распростер над деревней свои перепончатые крылья. Сперва армия конфисковала земли Ясуфа на военные нужды, а затем отдала их поселенцам. Для них построили из бетонных блоков уродливое сооружение со сторожевыми вышками, обнесли его колючей проволокой и дали поселению имя близлежащего Яблоневого родника. Земли, украденной у жителей Ясуфа десятилетие назад, поселенцам явно не хватало – они захватывали все новые и новые участки, разоряя виноградники и оливковые рощи.

Крестьяне боялись выходить в собственные поля: поселенцы – суровые люди с пистолетами, и было ясно, что шутки с ними плохи. Они стреляли в деревенских жителей, часто похищали и пытали их, поджигали поля. Их задача была в том, чтобы не пускать крестьян в поля пять лет – после этого срока, согласно Оттоманскому праву (о котором они узнали из старинных книг), заброшенные пашни возвращаются государству. Еврейскому государству. Государство же, в свою очередь, передало бы эти земли еврейским поселенцам. Пока же поселенцы пытались уморить крестьян голодом.

Деревня была отрезана от мира траншеями и земляными насыпями в шесть футов вышиной. Армия перекрыла даже узкие проселочные дороги, практически непригодные для четырехколесного транспорта. Деревня превратилась в остров. Как выразился недавно британский посол в Тель-Авиве, Израиль сделал из Палестины один огромный концлагерь. Однако он ошибается: это не один лагерь, а скорее новый, палестинский, архипелаг ГУЛАГ. Автор «Архипе-

лага ГУЛАГ», лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын утверждал, что подлинный, русский ГУЛАГ создали евреи, и они же им руководили. Это утверждение ставилось под вопрос и опровергалось еврейскими организациями. А вот на вопрос, кто создал палестинский ГУЛАГ, ответ очевиден. Через границы «лагеря Ясуф» не пропускают автомобили, и его посетителям приходится пересекать границы пешком, оставляя свои машины снаружи. Ближайший город, Наблус (в прежние времена – Неаполь), находится в восьми милях, то есть в четырех часах езды, отсюда, но чтобы добраться до него, нужно миновать много блокпостов, прохождение через которые – унижительная процедура. Казалось, целую вечность мы добирались до Ясуфа, останавливаясь у многочисленных блокпостов и дорожных КПП. Потом, уткнувшись в осадную насыпь, были вынуждены оставить машину в полумиле от деревни.

Следы разорения были повсюду: оливковые деревья по обе стороны дороги были опалены или вырваны с корнем. Можно было подумать, что это освященное веками дерево – злейший враг евреев. В каком-то смысле, так оно и есть: ведь олива – главная кормилица и заступница палестинцев. Обед их состоит из свежесдобитой лепешки, оливкового масла, приправленного тимьяном, и грозди винограда. Оливковым маслом здесь помазывали в древние времена царей и священников. Христианские ритуалы – бесценный подарок древней Палестины человечеству – суть не что иное, как посвящение оливы Богу. При крещении младенцев помазывают маслом перед тем, как окунуть в воду, чтобы их кожа оставалась мягкой. Оливковое масло используют и в свадебных, и в похоронных обрядах, подтверждая таким образом неразрывную связь между народом и землей, на которой он живет. Джон Аллегро, знаменитый исследователь свитков Кумрана, погубил свою репутацию еретической книжкой, в которой отождествил Иисуса Христа с галлюциногенным грибом. Если когда-нибудь я решу последовать его примеру, я сравню первозданную чистоту оливкового масла с чистотой Пресвятой Девы Марии, верховной заступницы Палестины.

Пока на палестинской земле растут оливы, палестинские крестьяне непобедимы – вот почему их враги обратили свой гнев против деревьев. Они рубят оливы при каждой возможности. За последние годы было уничтожено восемнадцать тысяч прекрасных деревьев – старых гигантов и молодых саженцев. Поселенцы не давали крестьянам собирать урожай, нападали на них на пути домой и грабили. Мы, друзья Палестины со всего мира, прибыли, как семь самураев из старого фильма Куросавы, чтобы помочь крестьянам собрать оливки и защитить их от грабителей.

Из многих добрых дел, которые можно делать на нашей старой доброй Земле, помогать палестинцам – лучшее и самое приятное. Кибуц не сравнится с этим. Молодые кибуцники обычно скучны и замкнуты, а старые... они и есть старые. В кибуце ты либо в компании других иностранцев, либо один. А палестинцы дружелюбные, открытые, разговорчивые. Гости согреваются их теплом, живут в этих сказочно красивых деревнях, видят это теплое голубое небо над несравненным пейзажем палестинских холмов и наслаждаются невероятным гостеприимством крестьян. А то, что иногда они становятся мишенью для пуль поселенцев или солдат – невысокая плата за все это удовольствие, дополнительное развлечение, любезно организованное Армией обороны Израиля. В конце концов, это же самураи.

Люди, которые помогают палестинцам, отличаются от добровольцев, работающих в кибуце. Состав их более разнороден: от 19-летнего студента из Упсалы до домохозяйки из Брайтона, от священника из Джорджии до учителя из Бостона, от французского фермера до итальянского парламентария. Объединяют их чувство сострадания, природной справедливости и, конечно, бесстрашие. Они работают в тени израильских танков, защищая оливы и крестьян собственными телами. Сбор урожая на самарийских холмах – радость, но только не для робких душ. Что мы и испытали на себе довольно быстро.

Мы собирали оливы, наполняя мешки зеленым золотом, когда неожиданно по красной каменистой дороге подъехал джип и с визгом затормозил возле нас, подняв облако пыли. За

ним ехала машина побольше – армейский грузовик, полный солдат. Из джипа выпрыгнул мужчина и навел дуло своего автомата М-16 прямо на ребенка, сидящего на дереве.

«Убирайтесь, чертовы арабы», – закричал он с бруклинским акцентом. Он поднял камень и запустил им в ближайшую группу сборщиков олив. Один из крестьян не успел увернуться, и камень попал ему по руке.

«Еще один шаг и я буду стрелять!» – закричал военный, когда Лори попыталась заговорить с ним. Он был грузен, неопрятен, свиреп, и намеренно взвинчивал себя, доводя до истерики.

«Не смейте даже трогать оливы!» – орал он на крестьян.

Из-за поворота дороги показались трое бегущих мужчин. Выглядели они бесподобно. К их бритым головам узкими черными ремнями были пристегнуты черные коробочки, оголенные руки были перетянуты такими же ремнями. Эти приспособления называется филиактериями – иудеи надевают их перед утренней молитвой, но на этих молодых людях они выглядели, как амулеты воинственного племени. Мужчины были одеты в темные брюки и темные футболки, за их спинами развевались белые в черную полоску накидки. Дула их винтовок были нацелены на нас. Они казались одержимыми каким-то странным демоном, эти молодые люди в ритуальной еврейской одежде и с идеями из Книги Иисуса Навина в головах. Поэтому, когда один из них вытащил длинный кривой нож, я не был удивлен. Сцена эта напомнила мне недавно вышедший фильм «Машина времени», где внезапно появившиеся свирепые морлоки нападают на буколических элов.

Они толкали женщин и материли мужчин, глаза их горели ненавистью. Палестинцы, запуганные крестьяне, в ужасе шарахались от них. Я, безоружный самурай, попытался урезонить нападающих.

«Дайте крестьянам собрать их оливы, – просил я. – Это их деревья, это их жизнь. Будьте им добрыми соседями!»

«Убирайся отсюда, любитель арабов, – прошипел один из них. – Ты помогаешь нашим врагам. Это наша земля. Это земля евреев – гоям здесь не место».

В более мирных обстоятельствах я бы рассмеялся: эти нервные молодые люди из Нью-Йорка хотели прогнать истинных и законных потомков народа Израилева с принадлежащей им по наследству земли. Не важно, что притязание, предъявляемое спустя две тысячи лет в стране, где любые притязания теряют смысл и после пяти лет отсутствия хозяина, выглядит невероятно глупо. Не важно, что их «еврейские» предки наверняка были бродягами, пришедшими из евразийских степей, и никогда не видели Палестину. Не важно, что даже древние иудеи никогда не жили и редко бывали на земле Израиля, между Вефилем, Кармелем и Изреелем. Так и румынские гастарбайтеры из Бухареста скоро смогут выгнать жителей Флоренции из их домов, объявив себя прямыми потомками древних римлян. Однако вид их винтовок совсем не располагал к смеху.

«Почему вы сжигаете оливы – они что, тоже ваши враги?»

«Да, оливы наших врагов – наши враги. И вы тоже наши враги! – закричал он, срываясь на визг. – Антисемиты!»

На американцев это слово действует магическим образом. Услышав в свой адрес слово «антисемит», американец считает своим долгом упасть ниц и поклясться в вечной любви и верности еврейскому народу. Я знаю это, потому что ежедневно получаю письма от людей, заклеянных как антисемиты за то, что они поддерживали Палестину, и не сумевших с этим смириться. Я оказываю им первую психологическую помощь: наказанный в свое время за антисоветскую деятельность, а затем осужденный за антиамериканские взгляды, я, антиномист и любитель античности, к обвинениям в антисемитизме отношусь спокойно. Если в наши дни вас еще не называли антисемитом – значит, вы заодно с Шароном и Соросом.

Так же, как «жидолюб», «антисемит» – ярлык, который нельзя применить, не запачкавшись – такие уж ассоциации связаны с ним. Он часто используется поселенцами, руководителем шпионской сети Антидиффамационной лиги Фоксманом, расистом Кахане, владельцем US Today Мортом Цукерманом, Конрадом Блэком (мужем Барбары Амиэль), массовым убийцей Шароном, поджигателем войны Ричардом Перлом, мошенником Томом Фридманом, ростовщиком Шейлоком и Эли Визелем – наемным плакальщиком по жертвам Холокоста. Антисемитами называли Т. С. Элиота и Достоевского, Жене и Гамсуна, св. Иоанна и Йетса, Маркса и Вуди Аллена – и я предпочитаю быть в их компании. И все же наши американцы на минуту растерялись, а наши (хорошие) израильтяне начали объяснять свою позицию, однако положение спасла (и доказала тем самым превосходство британцев) хорошая девушка Дженнифер из Манчестера – прямолинейным «да пошли вы!».

Дуло автомата описало дугу и нацелилось на нее. Солдаты с интересом наблюдали за происходящим. Я повернулся к ним.

«Остановите их! Они целятся в нас!»

«Они же пока не стреляют в вас», – ответил сержант.

Солдаты не собирались вмешиваться, пока морлоки были хозяевами положения, но было ясно: как только мы начнем брать над ними верх, карающая десница еврейского государства обрушится на нас. Знали это и морлоки – они разбили камеру Дейва, толкнули Энджи, сыпали оскорблениями в адрес девушек, кидались камнями.

«Вы их не остановите?» – обратился я к солдатам.

«Извини, приятель. С ними может разбираться только полиция, – ответил офицер. – Но мы можем арестовать тебя, если ты так этого хочешь».

Армия занимается только палестинцами, а полиция – поселенцами. Эта простая хитрость – одно из самых вдохновенных изобретений еврейского гения. Вероятно, они позаимствовали его у европейских поселений в Китае, где для европейцев и китайцев действовали разные законы, и осуществляли их разные полицейские подразделения. Вот почему морлоки могут делать все, что им заблагорассудится. Палестинцы были явно встревожены: они были не бойцы, а простые крестьяне, собирающие оливы с женами и детьми, и они не собирались умирать. Во всяком случае, пока. Поселенцы убивают крестьян ради забавы, часто без всяких провокаций. На прошлой неделе они убили нескольких человек, осмелившихся собирать свои собственные оливы. Крестьяне знали: если они будут защищаться, если посмеют поднять руку на еврея, их всех перебьют, а деревню сотрут с лица Земли. Но оливы нужно было собрать, поэтому пауза продолжалась.

«Все проблемы – из-за проклятых поселенцев! – выкрикнул хороший израильтянин Ури, защищавший от головорезов наш правый фланг. – Без них мы бы жили в мире. Мы бы могли приехать в Ясуф с паспортами, как туристы. Это все они, поселенцы».

Это и правда было нетрудно – даже естественно – ненавидеть этих злобных молодых людей, которые уничтожают посадки и морят голодом целые деревни. Это конкретное поселение известно как оплот каханистов – или, как назвал их покойный профессор Лейбович, иудео-нацистов. Они праздновали убийство премьер-министра Рабина, они боготворили Баруха Гольдштейна, массового убийцу из Бруклина, они опубликовали запрещенную книгу рабби Альбо, открыто провозглашающую религиозным долгом еврея истребление гоев. Они несли в себе столько зла, что возненавидеть их и согласиться с Ури не составляло никакого труда.

Но при взгляде в пустые лица солдат меня посетило воспоминание из детства. Бандиты никогда не грабят прохожих собственноручно – они посылают вперед себя маленького ребенка, который и должен освободить вас от тяжести кошелька. Если ребенка оттолкнуть, они обрушатся на вас, как груда кирпичей, – что, мол, обижаешь ребенка. Довольно бессмысленно ненавидеть маленького ребенка, подосланного взрослыми бандитами.

Эти молодые психи тоже были подсланы более крупными бандитами. Вот почему солдаты и глазом не моргнули, когда поселенцы напали на крестьян. Это было разделение труда: головорезы морили голодом крестьян, армия защищала головорезов, а правительство все это одобряло. Пока израильская армия сдерживала палестинцев, армия США сдерживала Ирак – единственное государство в регионе, которое могло бы обеспечить политическое равновесие, – а американские дипломаты обладали правом вето в Совете Безопасности. И было ясно, что за ними стоят другие бандиты, самые крупные, которым нет никакого дела до оливы, крестьян и солдат. На одном конце командной цепочки был сумасшедший поселенец из Бруклина, вооруженный М-16, на другом – Бронфман и Цукерман, Зульцбергер и Вулфовиц, Фоксман и Фридман.

И где-то посередине находились мы, израильтяне и американские евреи. Мы исправно голосовали и платили налоги, поддерживая таким образом систему, ведь без нашей поддержки Вулфовицу пришлось бы брать Багдад в одиночку, а Бронфману – собственноручно жечь оливы.

Но каждому свое, и все, что нам оставалось – бороться с нашим непосредственным врагом. Фермеры Ясуфа и их международные защитники, то есть мы, стояли на своем и не сдавались. Появились полицейские и некоторое время совещались о чем-то с поселенцами. Затем к нам подошел высокий, улыбочивый, коротко-стриженный офицер связи.

«Вы можете собирать оливы, но делайте это на дне долины, чтобы не раздражать поселенцев».

Это была небольшая победа – в сущности, компромисс, – но это не имело значения. Мы добились возможности собирать оливы, и это было главное. Мы быстро спустились на дно долины по ее изрезанным многочисленными террасами склонам, и сбор урожая продолжился. Здесь, внизу, оливы были меньше и они были мельче. Вот уже три года крестьянам не давали возделывать собственные поля, а ведь олива требует постоянного ухода. Обычно крестьяне каждый год вспахивают землю вокруг деревьев старомодным плугом, запряженным ослом: трактору на этих террасах не развернуться. Если этого не делать, вода зимних дождей стекает вниз по склону, не доходя до корней. Подпорные стенки террасы также необходимо поддерживать в хорошем состоянии. Но теперь это было невозможно: фермеры благоразумно избегали появляться на глазах у поселенцев с мотыгами и лопатами – опасным оружием с точки зрения их вооруженных до зубов мучителей.

Но вот струйки черно-зеленого дождя снова побежали по нашим рукам, застучали по разложенным на земле подстилкам. Как сказал нам Хуссейн, Бог сделал оливки, растущие на одном дереве, разными – черными и зелеными – но из них получается одно и то же масло. Это знак, который подает нам Господь: мы, люди, тоже созданы разными, и это хорошо, ведь благодаря этому мы делаем мир более разнообразным и прекрасным, если не забываем о своей общей, человеческой природе.

Мы устроились на обед под большой оливой. Умм Тарик, единственная из женщин, одетая в пестрый национальный наряд, принесла большой каравай хлеба, только что из печи. И хлеб, и белые шарики козьего сыра были щедро сдобрены оливковым маслом. Хассан передал по кругу зир – палестинскую амфору, наполненную прохладной водой из Яблоневого родника. Зир был холодный и влажный снаружи – весь в маленьких капельках росы. Его делают из пористой глины, которая хорошо дышит, конденсируя влагу и не давая напитку нагреться. С годами поры закупориваются, и тогда зир можно использовать для хранения вина или масла.

«Я скучаю по Рамат-Гану (пригороду Тель-Авива), – говорил Хассан. – До того, как начались беспорядки, я работал там, красил дома. Хорошая была работа; и мой наниматель, йеменец, был славный малый, относился ко мне как к члену семьи. Иногда я оставался у него ночевать и тогда мог прогуляться по вечернему Тель-Авиву, по берегу моря. А последние два года я не выезжаю из деревни».

Все крестьяне с ностальгией вспоминают о тех днях, когда они ездили на заработки в большие города на западе Палестины, и привозили домой кое-какие деньги. Такая организация жизни была одинаково удобна и для еврейских горожан и для крестьян. Хотя она и несправедлива, но приемлема. Во всем мире крестьяне проводят часть времени, свободную от уборки урожая или посадок, на заработках в городах. Для здешних людей «еврейские» Тель-Авив и Рамат-Ган – не большая заграница, чем «арабские» Наблус или Иерусалим, ведь для них это по-прежнему одна страна. Палестина – маленькая страна, а Ясуф находится в самом ее центре: отсюда что до моря, что до иорданской границы – одинаковое расстояние, тридцать миль. Прибрежные индустриальные города были построены задолго до того, как появилось государство Израиль, построены трудом ясуфских крестьян и по праву принадлежат им. Не только им, но им в том числе. Эта организация была нарушена, когда евреи начали захватывать земли.

«Видите поселение? – обратился к нам Хуссейн. – На том склоне мой отец сеял пшеницу. Сперва они отняли у нас землю, потом перестали выпускать из деревни. Теперь у нас почти нет земли, и никакой работы».

«История Святой земли повторяет историю Господних Обетований, – сказал его преподобие. – Христос сказал: “Все люди – избранники Божьи”. Евреи ответили: “Нет, позвольте, только мы”. Теперь палестинцы говорят: “Давайте жить на этой земле вместе”. А евреи отвечают: “Нет, позвольте, эта земля принадлежит только нам”».

«Должно быть независимое палестинское государство, – сказал Ури, – со своим флагом и с нормальными границами. Барак всех обманул, он решил разбить вашу землю на много мелких кусочков. Нужно вернуться к границам 1967 года, и тогда все будет хорошо».

«Знаете, как Талмуд подходит к дележу? – сказал я. – Двое нашли покрывало, и каждый сказал: “оно мое”. Они пошли к судье, и он спросил: “Как мне поделить покрывало между вами?” Один сказал: “разделите его на две половины, чтобы было поровну”. Второй сказал: “нет, оно целиком мое”. Тогда судья сказал: “по поводу одной из половин покрывала нет никаких разногласий: оба считают, что она должна принадлежать второму. Оставшуюся половину я разделю поровну. Таким образом, первый, борец за справедливость, получит четверть; второй же, эгоист, получит три четверти”. Вот это еврейский подход. Может, и палестинцам стоит взять его на вооружение?».

Камаль подкинул в гаснущий костер немного веточек, чтобы сварить кофе. Он был одним из старейших жителей Ясуфа, его очень ценили и уважали и в деревне, и за ее пределами. В 1967 году (ему тогда было 20 лет) евреи разлучили его с новорожденной дочерью, приговорив к сорока годам тюрьмы за участие в Соппротивлении. Он вышел на свободу из темных застенков Рамле, когда его дочери был двадцать один год.

«У нас тоже есть история о дележе находки, – сказал Камаль. – Это история о том, как женщина нашла ребенка и выкормила его. Потом пришла другая женщина, родная мать ребенка, и потребовала отдать его ей. Они пришли к шейху Абу Зараду, чтобы он рассудил их, и шейх сказал: “Я разрежу ребенка на две половины, и отдам по половине каждой из вас”. Одна из женщин ответила: “Хорошо, давайте разделим его”. Но вторая сказала: “Я не дам резать моего ребенка”. И тогда шейх отдал ребенка второй женщине, так как она была истинной матерью».

Мои щеки пылали от стыда. Камаль не сообщил мне ничего нового, – но я, пытаясь состричь, забыл об истинной мудрости Соломонова суда, а он, истинный потомок библейских героев, напомнил мне о ней. Палестинцы, как истинная мать, не соглашались на раздел. История доказала их правоту: Палестину нельзя разделить на части. Крестьянам нужны индустриальные города, куда они ездят в межсезонье, чтобы подработать и продать свое масло, им нужно побережье Средиземного моря, которое плещется в нескольких милях от их дома. Их земля нужна им целой, как человеку нужны обе руки или оба глаза.

Поселенцы – вовсе не монстры, скорее заблудшие души. Как и я, они слишком много читали вавилонский Талмуд, и слишком мало – палестинскую Библию. Они ощутили невероятно сильное притяжение Святой земли, которое и привело их на самарийские холмы. Они искали единения с благословенной палестинской землей, и любили ее странно любовью некрофилов. Они были готовы убить эту землю, лишь бы обладать ею. Они не понимали местных обычаев, и зарабатывали на жизнь, получая деньги от американцев. Я не испытывал к ним ненависти, скорее жалость. У них был уникальный шанс сродниться со своими соседями и с этой землей, но они его упустили. Разоряя эту землю, они сами же обрекают себя на очередное изгнание. Ребенок все равно достанется истинной матери, так что победа палестинцев неизбежна, ведь Соломонов суд есть не что иное, как аллегория Суда Господня.

«Но где же хорошие евреи? – спросит читатель. – Для баланса, из соображений политкорректности, ради нашего успокоения, – покажите нам, пожалуйста, хоть одного хорошего еврея! Ведь евреи – это не только поселенцы, это и движение “Шалом Ахшав” (“Мир сегодня”), и другие движения, выступающие в поддержку палестинцев».

Да, есть существенная разница между зверями-поселенцами и теми, кто их поддерживает, с одной стороны, и израильянами-либералами, традиционно голосующими за лейбористов, с другой. Еврейским шовинистам нужна Палестина без палестинцев. Они хотят завезти сюда китайцев – возделывать поля, и русских – присматривать за китайцами. Это самая одиозная группа населения.

Израильяне-либералы допускают возможность совместного существования, при котором палестинцы смогут покинуть свои жестко охраняемые бантустаны и ездить на заработки в Тель-Авив. Правда, для этого им придется сначала получить разрешение на работу, а работать они будут под назойливым контролем полицейских без всяких социальных гарантий и за плату даже ниже минимальной (если того пожелает наниматель). Идея братского равенства – не какого-то божественного толка, а вполне земного, основанного на элементарной справедливости по отношению к истинному сыну этой земли, столь же чужда им, сколь и поселенцам. Они подарят палестинцам флаг и гимн, но отнимут у них родную землю и привычный образ жизни.

Оба типа израильян едины в своем отрицании Палестины. Они поют о «новом одеянии из бетона и асфальта для старой Земли Израиля». Либералы мечтают сделать из нее высокотехнологичный придаток Америки: самарийские холмы им не нужны. Шовинисты же хотят стереть с лица Земли саму память о Палестине, чтобы воссоздать на ее месте царство ненависти и мести.

И лишь немногие, очень немногие из нас понимают, что у нас есть редкий шанс научиться чему-то у палестинцев. Со всей своей восточноевропейской самонадеянностью мы пришли сюда, чтобы учить их и перекраивать на свой лад, хотя на самом деле это нам нужно учиться и меняться. Помогать им – не достаточно. Мы, победители, должны подстроиться под более высокую цивилизацию, коей является побежденный нами народ. Такое происходило и до нас: викинги-завоеватели приспособились к традициям Англии и Франции, Руси и Сицилии. Победоносные греки эпохи Александра Македонского стали египтянами и сирийцами. Маньчжуры, основавшие империю Цин, впоследствии стали китайцами. Мы должны сделать это ради своего же блага, иначе мы обречены строить новые гетто – не только для палестинцев, но и для самих себя.

Если муравей начнет строить, он построит муравейник. Если еврей начнет строить, он построит гетто. Если палестинец начнет строить... Вот мой друг Муса пригласил своего старика-отца, живущего в самарийской деревне, погостить в его новом доме в Вермонте, и тот сразу же начал строить террасы для выращивания оливок.

Палестинцы не представляют себя без этой земли и ее уникального жизненного уклада. Много тысяч лет назад, когда закончилась Великая микенская засуха, их предки образовали симбиоз с оливой, с виноградной лозой, с ослом и горными родничками, со святыми местами

на вершинах холмов. Эта единая целостность природы, людей и божественного духа – великое достижение палестинцев, которое они пронесли через века и сохранили до сегодняшнего дня. Если нарушить эту целостность, человечество лишится своих якорей и разобьется о скалы истории. То, что они принимают нашу скудную помощь, – большая честь для нас.

В тот вечер, вернувшись в деревню, мы зашли на чай к Хуссейну. Он жил в большом красивом доме, который смотрелся бы вполне органично где-нибудь в Каннах или в калифорнийской долине Сономы. Мы расположились на просторном балконе, в соломенных креслах, сплетенных крестьянами долины Бейдан. Ласковые, но исполненные достоинства кошки Хуссейна запрыгнули к нам на колени, а его застенчивые дочери принесли нам сладкого мятного чая. Соседи зашли поболтать с чужеземцами – жители глухих деревушек любят это дело. По столам и перилам были расставлены маленькие керосиновые лампы: сюзерены-израильтяне отказывались подключать деревню к электросети. Но это было даже к лучшему: мы могли созерцать полную луну октября, которая медленно плыла в темнеющих небесах, заливая своим сиянием террасированные холмы, и крыши, и тусклую броню танка «меркава» на склоне холма, с навешенными на деревню пушками, и молчаливые, сучковатые, древние оливы Ясуфа.

Ода Фарису Оде, или Возвращение Рыцаря

Эта статья была написана летом 2001 года, как попытка показать палестинское Сопротивление в новом свете и вместо жалости вызвать восхищение

Никому не разрешается въезжать в Сектор Газа или выезжать из него. Он окружен колючей проволокой, ворота заперты, и даже если у вас есть все необходимые документы, вы не сможете посетить крупнейшую в мире тюрьму строгого режима, в которой живут более миллиона палестинцев. Некогда легендарная израильская армия превратилась в простую тюремную стражу. Тактика Армии обороны Израиля была сформулирована еще в тридцатые годы: «Не нужно убивать миллион: убивайте лучших, а остальные сами не будут высовываться». Впервые этот метод применили британцы при помощи еврейских союзников во время подавления палестинского восстания 1936 года. С тех пор были истреблены тысячи лучших сынов и дочерей этой земли, потенциальная элита палестинского народа. И сегодня израильская армия снова использует тот же генеральный план по «усмирению строптивых туземцев» путем планомерного отстрела потенциальных мятежников.

Их работа проста: у израильтян сильнейшая армия на Ближнем Востоке, Израиль – крупная ядерная держава, имеющая в своем распоряжении любое оружие мира, в то время как у содержащихся фактически под стражей палестинцев есть только камни и «калашниковы», которые можно пересчитать по пальцам. Недавно израильтяне перехватили грузный оружием катер, направлявшийся в Сектор Газа. Армия хвасталась этим, как крупной победой, однако выразила «беспокойство». Было бы из за чего беспокоиться! С 1973 года израильская армия редко встречала ответный огонь. Еврейские солдаты успели привыкнуть к непыльной работе. Они предпочитают стрелять в безоружных детей.

Газа – это фантастика, ставшая реальностью: происходящее там напоминает сюжет второсортного фильма вроде «Планеты-тюрьмы», однако за забором из колючей проволоки скрыта тайна: несломленная воля палестинского народа. И пусть сюжет второсортный, но его герои, мужчины и женщины – первый сорт.

Эту тайну донес до нас посланец палестинского народа, тринадцатилетний Фарис Оде. Это был юный палестинский Давид. На бессмертном снимке Лорана Ребура, фотографа Associated Press, мы видим его сражающимся с еврейским Голиафом на окраине Газы. Бесстрашный Фарис бросал камни в бронированного монстра с грацией святого Георгия, одного из самых почитаемых палестинских святых. Он сражался с врагом с беспечностью деревенского мальчишки, отгоняющего злую собаку. Снимок был сделан 29 октября, а через несколько дней, 8 ноября, мальчик был хладнокровно убит еврейским снайпером.

От него остался образ героя, плакат, который можно поставить в один ряд со знаменитым плакатом-портретом Че Гевары, имя, которое можно произнести на одном дыхании с именем Гавроша – отважного маленького повстанца с баррикад Парижа из романа Виктора Гюго «Отверженные», ставшего символом непокоренного и негиббемого человеческого духа. Он как будто был прислан сюда из другого времени – времени, когда героизм еще не превратился в грязное слово, когда люди шли на войну, готовые сражаться и умирать ради благородного дела. Его имя и фамилия очень символичны: Фарис означает «рыцарь», а Оде – «возвращение». Его образ воистину напоминает о возвращении славных рыцарей былых времен. Этот дух совершенно чужд дешевому коммерческому гедонизму, доминирующей идеологии наших дней, активно насаждаемой американской массовой культурой. Наследие Фариса – знак провала израильского генерального плана. Юный мятежник был рожден в израильской оккупации и умер, бросив вызов солдатам Армии Обороны Израиля.

Мы, друзья Палестины, не сразу смогли расшифровать это всееляющее надежду послание, потому что привыкли к идее палестинца-страдальца, палестинца-мученика. В своих работах мы бессознательно воспроизводим отношение, свойственное слабым духом, изображая «нашу сторону» как жертву, заслуживающую сострадания и жалости. Жалость – самое последнее чувство, которое мы должны испытывать по отношению к палестинцам. Восхищение, любовь, солидарность, преклонение, даже зависть – только не жалость. Если вы будете жалеть их, вы точно так же можете начать жалеть триста воинов царя Леонида, которые пали, защищая Фермопилы, или русских солдат, остановивших танки Гудериана своими телами, или даже Гари Купера в фильме «Ровно в полдень». Героев не нужно жалеть: они должны стать для нас воодушевляющим примером.

Прежде мы неправильно трактовали образ Фариса. Контекст страдания вызывает в сознании скорчившегося Мухаммада Дорра, умирающего на наших глазах, – такую же маленькую жертву войны, как голенькая вьетнамская девочка, выбегающая из огненного напалмового ада.

Образ Фариса Оде, «Рыцаря, Который Вернулся», принадлежит к другому иконостасу – иконостасу героев. Его место – рядом с моряками с острова Иводзима или в церкви, рядом со своим соотечественником, святым Георгием. Ведь этот святой-воин принял мученическую смерть и был похоронен в палестинской земле, недалеко от могилы Фариса – в крипте старой византийской церкви в Лидде.

Противники палестинцев понимают это лучше, чем их сторонники. Американская пресса с ее засильем евреев не пожалела сил на то, чтобы стереть память о Фарисе. Разумеется, они не хотят распространения героических страстей. На сайте MSNBC.com проводился глупый конкурс на главную фотографию года, в котором предлагалось сделать выбор между фотографией мученика Дорра и несколькими снимками собак. (Они всегда предлагают вам выбор, и он всегда оказывается неправильным, независимо от того, что вы выберете.) Фотографии собак были выставлены на конкурс израильским консулом в Лос-Анджелесе и получили голоса многих сторонников Израиля, в то время как сторонники Палестины отдали свои голоса Дорра. А по-настоящему значительная фотография, изображавшая Фариса, так и не была показана публике.

Но этого было недостаточно. Газета Washington Post отправила в Палестину своего корреспондента Ли Хокстейдера, с целью «развенчать миф» о погибшем ребенке. Эта газета, идущая на поводу у АИРАС (Американо-израильского комитета общественных дел), знала, кого посылать. Сообщения Хокстейдера следует изучать в школах журналистики в составе курса по дезинформации. Когда танки и боевые вертолеты израильской армии обстреливали беззащитный Вифлеем, Хокстейдер писал: «В библейском городе Вифлееме (конечно же, он предпочел не упоминать, что это город, в котором был рожден Христос) израильские солдаты и палестинцы сражались при помощи танков, ракет, вертолетов, пулеметов и камней». Я подозреваю, что если бы Хокстейдеру случилось писать историю Второй мировой войны, мы прочитали бы в ней, что США и Япония сражались с использованием атомных бомб.

Хокстейдер надлежащим образом оправдал нападения израильской армии на мирное население: «Представители израильской армии говорят, что рейды совершаются в ограниченном количестве и носят исключительно оборонительный характер. Но израильское правительство смотрит на вещи шире, отметив, что рейды позволяют местным боевым командирам более оперативно бороться с постоянно ускользающим противником». На действия израильтян он «смотрит шире», а палестинцы в его репортажах предстают всего лишь безумными террористами: «Палестинцы постоянно грозят возмездием за то, что они называют военной агрессией. Представитель Исламского движения сопротивления, известного под названием ХАМАС, призывал к новым атакам террористов-смертников и минометным обстрелам Израиля».

Другой исследователь «творчества» Хокстейдера, Франсуа Смит, так отзывался о нем в Сети: «Меня оскорбляет то, что этот парень думает, будто я настолько туп, чтобы поверить ему. С Ли Хокстейдером нужно быть поосторожнее. Я думаю, он действует по особому поручению».

Определенно, это так: ему поручили упрочить общественное мнение о превосходстве евреев и запятнать палестинцев. И самое лучшее, что он мог предпринять для этой цели – скомпрометировать Фариса. Хокстейдер отправился в Сектор Газа и сообщил, что Фарис был плохим мальчиком, не слушался маму с папой, прогуливал уроки, что он был настоящим дьяволенком, который так и напрашивался, чтобы его убили, и милосердный израильский снайпер просто исполнил его желание. Хокстейдер ничего не упустил: ребенок был убит, когда поднимал камень, а значит, должен был быть убит, и его посмертная слава была лишь «шумихой вокруг его смерти». А мать его, так или иначе, получила «чек на 10 000 долларов от президента Ирака Саддама Хусейна».

Хокстейдер ничем не рисковал. Если бы он посмел намекнуть, что родители ребенка, убитого в Хевроне, еврейские поселенцы, желали смерти своему сыну, или упомянул чек на кругленькую сумму, полученный его родителями из рук «палача Сабры и Шатилы», если бы он назвал реакцию Израиля «шумихой», он бы не ушел из Израиля живым, и владелица *Washington Post* Кэтрин Грэхем оплакивала бы его смерть до конца своих дней.

Евреи достигли своей цели, запугав противника, и не только силой слова. В сороковые годы, в ходе своей борьбы за господство над Святой Землей, евреи убили лорда Мойна, британского министра по делам Ближнего Востока, они десятками убивали британских солдат и офицеров и сотнями – палестинских лидеров. В результате запуганные британцы 15 мая 1948 года вывели свои корабли из Хайфского залива. Даже в наши дни двум священнослужителям из Сан-Франциско, активистам борьбы за мир – католическому священнику Лабибу Кобти и иудейскому раввину Майклу Лернеру – еврейские террористические группы угрожают убийством, и они воспринимают эти угрозы очень серьезно.

На самом деле, палестинцы – и сельские жители, и горожане – народ очень мирный. Они умеют возделывать оливы и виноградники, делать *зирры* – кувшины, в которых вода остается холодной, даже когда дует горячий ветер – *хамсин*. Их красивые каменные постройки украшают каждый уголок Палестины. Они пишут стихи и почитают могилы своих святых. Они – не воины, и уж точно не убийцы. Изумляясь и не веря своим глазам, они смотрятся в зеркало идущей на поводу у евреев прессы, и видят, что их лица заслонены кровавыми масками террористов. Тем не менее, эти крестьяне способны преподать нам урок героизма всякий раз, когда враг пытается украсть у них родную землю. Палестинцы доказали свою доблесть несколько столетий назад, в легендарные дни Судий, когда их предки сражались с заморскими захватчиками.

В тридцатые годы пламенный еврейский националист из России и основатель политической партии Шарона Владимир (Зеев) Жаботинский написал (на своем родном русском языке) исторический роман «Самсон», представлявший собой переработку библейской легенды и рассказывавший о террористе-смертнике, который убил три тысячи человек (Суд. 18: 27) и погиб вместе со своими врагами. Несколько лет назад этот роман был опубликован в Израиле в современном переводе на иврит, и рецензент из газеты *Давар* заметил одно интересное несоответствие.

Для Жаботинского британцы были современными филистимлянами, а израильтяне – иудеями. Но для современного израильского читателя роман выглядит как прославление борьбы палестинцев против Израиля. Высоко цивилизованные филистимляне с их развитыми военными технологиями, завоеватели, прибывшие из-за моря, гедонисты, живущие на Побережье и совершающие рейды в горные районы, напоминают рецензенту израильских евреев. А народ Самсона, Бне Израэль, жители гор, уверенные в своих глубоких корнях, верящие в

неизбежную победу своей связи с родной землей над военной мощью завоевателя, напоминают ему современных палестинских горцев.

Эта идея не лишена смысла, поскольку палестинцы являются истинными потомками библейского народа Израилева – местного народа, принявшего Христа и навсегда оставшегося в Святой Земле, в то время как те, что отвергли Христа, были осуждены скитаться до тех пор, пока не поймут ложность избранного ими пути. Израильтяне это знают. В генетических лабораториях Тель-Авива исследователи «еврейской ДНК» с гордостью демонстрируют любые результаты, хотя бы слегка подтверждающие кровное родство евреев и палестинцев. Они знают, что претензии евреев на гордое имя Израиля по меньшей мере сомнительны. Подобно Ричарду III, мы присвоили титул и корону, и, подобно Ричарду III, мы не чувствуем себя в безопасности, пока законные наследники еще живы. Таково психологическое объяснение нашего необъяснимо жестокого отношения к палестинцам.

Израильтяне хотят быть палестинцами. Мы заимствовали их кухню и подаем их фалафель и хуммус как наши собственные национальные блюда. Мы заимствовали название местного кактуса, *сабры*, растущего на месте их разрушенных деревень, чтобы использовать его в качестве имени для наших сыновей и дочерей, рожденных в этой стране. Наш современный язык – иврит, возродившись, вобрал в себя сотни палестинских слов. Мы должны просто попросить у них прощения, обнять их, как братьев, с которыми находились в долгой разлуке, и начать учиться у них. Это единственный луч надежды, пронзающий сегодняшнюю тьму.

В ходе современных археологических исследований, проводимых в Израиле, выяснилось, что три тысячи лет назад горные племена (библейские Бне Израэль, «Сыны Израиля») в конце концов нашли общий *modus vivendi*¹ с прибрежными «народами моря» и вместе эти сыновья Самсона и Далилы стали прародителями создателей Библии, апостолов Христа и современных палестинцев. Сочетание развитой технологии филистимлян и любви горцев к нашей иссушенной зноем земле позволило создать такую сокровищницу духа, какой была древняя Палестина. И я не вижу в том ничего невозможного, и нахожу даже желательным, если история повторится, и славный образ юного Фариса, сражающегося с танком, встанет в один ряд с образами царя Давида и святого Георгия в сознании и в учебниках наших палестинских детей.

¹ Образ жизни (лат.).

Стена

«Стену» Пинк Флойда крутили в старой раздолбанной киношке с поэтическим названием «Семадар» («Цвет Лозы»), в Немецкой Слободе. Ее каменные увитые плющом дома 19-го века сохранили красные черепичные крыши, готические надписи – стихи Псалмов – на фронтонах, но не уберегли хозяев – немецких колонистов, изгнанных или убитых в 1948 году.

«Семадар», названный редким словом из Песни Песен (2:15) был любимым кинотеатром в Потерянном Раю Палестины, в до-израильском Иерусалиме. Здесь встречались британские офицеры и местная золотая молодежь: коренные палестинцы, армяне, греки, евреи, русские, немцы. В узком и тенистом дворике «Семадара» возникали союзы, пересекавшие этнические и религиозные границы: дочь греческого купца влюбилась в шотландского летчика, а знатный араб, ведущий свой род от полководцев Саладина, пленил юную еврейку-комсомолку. «Семадар» пережил страшный 1948 год, как ископаемый лед – эпоху глобального потепления, – и остался напоминанием о былых, лучших временах.

В 1980-х годах порядком запущенный «Семадар» все еще годился для семейных походов в кино – это было до расцвета телевидения, видео и компьютеров, – и мы туда часто ходили с детьми. Но «Стена» оказалась проколом. В середине фильма есть страшный кадр: разинутая на весь экран зубастая пасть. Когда пасть надвинулась на зрителя, наш семилетний малыш не выдержал и бросился из зала с воплем. Но и фойе был оклеен плакатами с тем же прожорливым ртом! Сын успокоился лишь через несколько часов, но этот символ «Стены» – зияющая всепожирающая пасть – остался погребенным в моей памяти.

Он выскочил, как хорошо смазанная пружина на этой неделе, когда – после замечательной прогулки – я натолкнулся на Стену. С раннего утра мы гуляли по мягким сглаженным холмам Палестинского Нагорья, утопали по пояс в густой траве, рвали высокие стебли полевой орхидеи, пересекли речку: в ее струях плескались полностью одетые смуглые мальчики и нежно-белые лунноликие девочки, а на берегу, их приветливые родители из деревни Аната накрывали импровизированный стол. Нам повстречался русский монах, спускавшийся из расположенной на страшной крутизне лавры блаженного Харитона; мы вспугнули выводок горных серн с белыми отметинами на крупе; затеплили свечу у иконы Богородицы в православной церкви Тайбе: по местной традиции, Христос провел в этом селе несколько дней перед казнью и крестил его жителей. Село Тайбе славится не только своей древней верой, но и замечательным пивом, которое нам подали в просторном двухэтажном кафе «Стоунс» в элегантной Рамалле, где к нам присоединились профессор философии Бир-Зейтского университета в твидовом пиджаке и с вишневой трубкой в зубах, архитектор – англичанин еврейского происхождения, удивительно похожий на молодого Ноама Хомского, и смуглая красавица-палестинка, выросшая в тунисском изгнании и вернувшаяся на родину после учебы во Франции.

На подступах к Вифлеему мы наткнулись на Стену. Она врезалась в нежный библейский пейзаж, как чудовищная прожорливая пасть из Пинк Флойда. Десятки огромных бульдозеров стирали холмы, выкорчевывали вековые оливковые деревья и разлапистые смоковницы, крушили скалы, сносили крестьянские дома и средневековые башни, уничтожали следы проходившей здесь Богородицы. В этом месте Стена представляла собой сложное сооружение: полосу поражения шириной с четырехрядное шоссе, схваченную семиметровыми заборами из стальной сетки, с пущенной поверху проволокой под напряжением, с сотнями камер, неустанно пляющих на палестинские деревни, с высокими башнями для снайперов и охраны. Ни один концлагерь, ни одна тюрьма не могут похвастаться таким периметром. Стена прижималась к домам деревни, тесно, как пьяный кавалер в танго, отрезая сады, огороды, поля и рощи.

Крестьяне смотрели сквозь сетку забора на свои оливковые деревья в нежно-зеленом, скромном, малозаметном цвету, как на жену после развода: еще здесь, но уже там. Крестьяне

были заперты надежно, как в тюрьме, а за стеной оставались их поля, деревья, источники. В Стене были ворота, они были заперты, а ключ – у израильского часового на вышке. При условии их примерного поведения крестьян могли выпустить в их собственные поля. Расчетливая еврейская армия ввела сбор – два доллара с гойского носа за беспокойство. Если палестинцам хочется окапывать оливы, пусть платят за удовольствие.

Возле города Калкилия, Стена превращалась в бетонный монумент, в сплошную высокую крепостную стену, загораживая вид и уничтожая пейзаж. Крепостные стены прошлого защищали горожан, эта стена – запирала их за высоким забором. Единственные ворота города были на замке, ключ – у еврейского часового. Сплошная стена неприятна, но проволочный забор был еще хуже – он манил дразнящей близостью недоступных полей. Раньше или позже, ошалевший мальчишка попытается перелезть через забор в зеленую свободу, и тут его застигнет пуля снайпера.

Стена тянется на сотни километров, огибая деревни и города, отделяя палестинцев от Палестины, уничтожая ее уникальную природу, создавая Большую Зону, состоящую из множества Малых Зон. В некоторых местах города были окружены глубоким рвом, дороги засыпаны горами камней. Рядом с засыпанными, взорванными, разрушенными дорогами создается новая сеть дорог, – только для евреев. Эти широкие дороги не проходят через палестинские города и села, но окружают их и отрезают от окрестностей. Сотни домов были разрушены, тысячи акров посевов уничтожены при строительстве этой дорожной сети, способ действия которой заимствован в фантастической трилогии «Hitchhiker's Guide to Galaxy». По этим дорогам мало кто ездит, еврейских колонистов не так много, чтобы оправдать усилия, но с появлением Стены сеть дорог приобрела смысл: это была первая ступень обширной программы уничтожения природы и подчинения людей.

Еврейское государство применяло Стены как стратегическое оружие и раньше. У подножия священной горы Кармил была армянская деревня, ее основали беженцы 1915 года. В 1948 году Кармил и окрестности стали частью еврейского государства. Евреи не стали резать или прогонять армян, они лишь окружили их деревню стеной и задушили ее. Земли и поля армян остались за стеной, а их деревня превратилась в тюрьму. Армянские крестьяне продержались более десяти лет, но в конце 1950-х последний армянин продал свой дом евреям за бесценок и бежал.

Похожим образом захватили евреи и земли крестьян Галилеи. Там стены и проволочные ограждения окружали поля, а не деревни, но результат оказался сходным. Крестьян не пускали обрабатывать их поля, а затем поля были конфискованы, как «заброшенные», и переданы еврейским колонистам.

Новая стена передаст оливковые рощи и поля еврейским колонистам, говорят рационально мыслящие люди. Но нынешние колонисты не обрабатывают землю, они предпочитают выжечь рощи. Колонисты – не причина, но лишь рационализация подлинной причины создания стены: желания уничтожить Палестину как живую страну.

Стена была предсказана, нет, предначертана еще в 1930 годах, в эссе «Железная Стена» Владимира Зеева Жаботинского, но ее корни еще глубже. Стена – манифестация еврейского духа, неизбежная для еврейского государства. У евреев есть десятки слов для понятия «стена», как у чукчей для понятия «снег». Главная святыня евреев – Стена Плача, любимая улица – Уолл-стрит, улица Стены. Египтяне, вавилоняне, христиане и мусульмане строили вертикальные пирамиды, башни, церкви, минареты дабы соединить Небо и Землю. Верящие в собственную божественность евреи не нуждаются в небе и земле: в первую очередь они строят эрув, символическую стену, чтобы отгородиться от неевреев.

Не случайно единственный уцелевший текст из иудейского храма (разрушенного через сорок лет после осуждения и казни Христовой) это не Десять Заповедей, но обломок низкой

стены с надписью: «Гой, если ты переступишь через эту стену, ты сможешь винить только себя в своей жестокой и неотвратимой смерти».

Важнейшая максима еврейского учения призывает «сооруди стену вокруг Торы». Любой запрет Торы усиливается дополнительными запретами. Например, Тора запрещает есть козленка в молоке его матери, а «стена вокруг Торы» запрещает есть цыпленка в сметане, чтобы случайно не ошибиться. Тора запрещает еврею собирать плоды в субботу, а «стена» запрещает лазить по деревьям, во избежание искушения. Сосна или береза не славится плодами, но и на них нельзя лезть в субботу. А то залезет еврей на осину, а в следующий раз – на яблоню, а там и яблоко сорвет и дойдет до настоящего греха.

Шаронова Стена – «стена вокруг Торы», потому что свободно бродящий гой раньше или позже сможет убить еврея. Шаронова Стена – стена храма, потому что пересекший ее гой сможет винить лишь самого себя за пулю снайпера. Шаронова Стена – это Стена Плача палестинцев, и это Уолл-стрит для израильских подрядчиков. Голос – Иакова, а руки – Исава, как говорит Библия: по воле евреев, стену строят палестинские рабочие под охраной русских солдат за счет американцев.

Израильские подрядчики зарабатывают миллиарды на этом проекте, повторяющем Стену Бар-Лева, гигантский оборонительный вал на синайском берегу Суэцкого канала, сооруженный в 1970 году и сметенный советскими водометами Третьей египетской армии маршала Ануара ас-Садата 6 октября 1973 года.

Шаронова Стена – это подлинная «дорожная карта», потому что, когда Стена будет завершена, Палестина будет разорена и ее обитатели станут беженцами.

Но и евреям завидовать не придется, потому что Стена проникает повсюду. Каждый магазин, каждый ресторан, каждый бар в некогда веселом Тель-Авиве снабжен живой стеной – русским или украинским охранником. За четыре доллара в час они останавливают палестинских бомбистов своим телом, пока их не похоронят за кладбищенской стеной. Нас, израильтян, обыскивают по десять раз на дню, куда бы мы ни шли. Нет здания в Израиле, куда можно войти без обыска. Так вся Палестина превращена в тюрьму для евреев и неевреев.

Это можно было предсказать. Не злые гой загноили средневековых евреев в гетто, писал Владимир Жаботинский, наши предки сами предпочли жить за стеной, как европейцы в колониальном Китае. Израильский мыслитель Исраэль Шахак в своей «Истории еврейской традиции» заметил, что стены гетто не были низвергнуты изнутри, их сокрушили либеральные правители извне и освободили евреев, не стремившихся к свободе. Физические стены гетто рухнули, но духовные стены – остались. Еврейское государство – это воплощение еврейского параноидного страха и ненависти к гою. Но в той же степени это можно сказать о политике Пентагона, подвластного «кабалу (самоназвание) Волфовитца-Перла-Фейта», нынешних правителей Америки.

Не только личности, но и общества, культуры и цивилизации могут обезуметь, утверждала Рут Бенедикт, один из крупнейших американских социологов и этнографов, друг и коллега Франца Боаза и Маргарет Мид. Ее «Patterns of Culture» остается и по сей день одним из важнейших трудов в своей области. В этой книге, вышедшей в 1934 году, Рут Бенедикт охарактеризовала индейцев Пуэбло как «миролюбивых и гармоничных», народ Квакиутл (Kwakiutl) – как культуру мегаломаньяков, склонных к самовозвеличиванию», а туземцев Доббу как “paranoiac and mean spirited”, злобных параноиков.

Это последнее определение идеально подходит и к еврейской культуре. Подход Рут Бенедикт позволяет понять одержимость еврейско-американского Кабала навязчивой идеей поиска оружия массового поражения в Ираке, Иране, Сирии как приступ паранойи, возрождение страха средневекового еврейского шинкаря перед возвращением обманутого гоя с топором в руках. Государство Израиля, страна непрерывного шмона, это воплощение паранойи, по Рут Бенедикт. Америка поддалась той же болезни: «единственная сверхдержава» нервничает и

трусит, строит стену на мексиканской границе, проводит обыски и облавы, разоружает дальние и близкие страны, равно как и собственных граждан. Под знаменем Лео Штрауса, под водительством нео-консерваторов и нео-либералов, «янки» стал «Янкелем», потому что еврейская паранойя крайне заразна.

Шаронова Стена, это орудие массового уничтожения природы и народа, вызывает естественное возмущение многих европейцев, американцев, и даже некоторых израильтян. Однако бесполезно бороться против стены, или против незаконных еврейских колоний, пренебрегая их первопричиной. «Стена в самом сердце», *ubeliba homa*, пели евреи, завоевав Иерусалим в 1967. Стена – это сердцевина проблемы, и ее имя – Еврейское государство в Палестине.

Борцы с Шароновой Стеной, замечательные молодые – и не очень молодые – люди со всего света, поднимают лозунг «Два государства», то есть «Палестинское государство рядом и наравне с еврейским государством». Они не хотят видеть, что бульдозеры Шарона создают кошмарную реальность «двух государств» – Еврейского государства и цепочки туземных резерваций для недобитых гоев, «Палестинского государства». Стена – это операция по разделу сиамских близнецов, переплетенных общин в Палестине. В ее теперешнем виде – это убийство Палестины, но как ни проведи стену, она разделит между палестинцами и их полями и домами, между беженцами и их разоренными деревнями, между христианами и Храмом Гроба Господня, между мусульманами и мечетью эль-Акса.

Русские националисты – Солженицын, Шафаревич, Галковский и другие поддерживали еврейскую эмиграцию в Израиль, надеясь, что евреи уедут, и Россия вновь станет Россией. Судьба Палестины, живой страны с живыми людьми, была им безразлична. История жестоко карает за эгоизм – массовая эмиграция только усилила еврейское влияние как в России, так и в Америке. Еврейское государство стало действовать как модель нового устройства мира, как магнит для новых элит. Как оно ни трудно, наступило время смены вех.

Хотя с 1948 года прошло немало времени, но именно туда надо вернуться, к золотым денечкам «Семадара» до роковой ошибки создания отдельного «еврейского государства» в Палестине. Это не значит, что нужно организовывать новые иммиграционные потоки. Евреи могут жить в Палестине, но – как равные среди равных, не как раса господ. Шаронова Стена, это преступление против человечности, превращающая Вифлеем в концлагерь, дает возможность понять подлинную параноидную натуру Израиля, и потребовать демонтажа, – нет, не Стены, но – Еврейского государства.

Краеугольный камень насилия

(Статья написана в разгар Второй Интифады в августе 2001 года.)

В то время, как F-16 вновь бомбят палестинские города, а молодые бойцы вновь приносят в жертву свои и чужие жизни, Мартин Индик со страниц *New York Times* возвещает об «эскалации Насилия»². Ему греческим хором вторят сообщения BBC и CNN о «Насилии в Палестине». Буш со своего Олимпа в очередной раз призывает «разорвать порочный круг Насилия». Это безликое и беспричинное «Насилие», видимо, следует писать с заглавной буквы, как «Гнев» в первой строке «Илиады».

Эта бессмертная поэма начинается с призыва «воспеть Гнев Ахиллеса». В мире Гомера «Гнев» (как и «Ярость», «Война», «Любовь», «Надежда») –персонифицированная субстанция. В наши дни мы видим скорее «гневною Ахиллеса» или «жестокого мужа», чем Гнев или Жестокость как таковые, однако, когда обидчиком является государство Израиль, мы возвращаемся к гомеровскому видению Насилия как самостоятельной сущности, забывая о том, что насилие – это отвратительное поведение человека. Люди всерьез обсуждают, как «покончить с Насилием» и установить Мир.

В действительности же Насилие не существует само по себе, в отличие от погоды. Насилие кем-то производится, и обычно мы можем определить, кем именно. Так, когда был инициирован миротворческий процесс Митчелла, и количество убитых за день медленно поползло вниз. Тогда еврейские фундаменталисты заложили краеугольный камень Третьего Храма, а армия подкрепила их действия волной убийств в Наблусе и Рамалле. Бойцы Шарона продолжали резню, пока их не остановил ответный взрыв смертника.

Это не было случайным совпадением. Еврейские элиты в Израиле, и в Америке хотят продолжения восстаний в Палестине. Им нужен не мир, а конфликт малой интенсивности. Война с палестинцами позволяет лидерам Израиля сохранять согласие между своими разнородными сообществами, не давая им вцепиться друг другу в глотку. И, что особенно важно, война помогает еврейским лидерам по всему миру в их нелегком труде по возрождению обветшалой средневековой структуры – Мирового Еврейства. Поэтому не имеет смысла бороться против «Насилия» и за «Мир». До тех пор, пока существует государство, проповедующее идеологию еврейского превосходства, оно всегда будет поддерживать насилие и избегать мира.

Недавние убийства имели целью скрыть под горой трупов провокацию с закладкой камня. Значение и без того невразумительного ритуала было еще более затемнено ведущими СМИ, а все упоминания о нем таинственным образом испарились. Например, 3 августа 2001 года агентство Reuter сообщило: «Израильская полиция штурмовала Храмовую гору, именуемую мусульманами аль-Харам аль-Шариф. Штурм был произведен после того, как палестинцы забросали камнями евреев, молившихся у Стены плача».

Почему это палестинцы вдруг набросились на евреев с камнями? Об истории с краеугольным камнем умолчали, создав у среднего американца или европейца представление о «диких» мусульманах, ни с того ни с сего напавших на мирных молящихся евреев. Единодушие англоязычных СМИ по этому вопросу было ужасающим. BBC, некогда более объективная, чем американские телекомпании, наконец-то догнала коллег. Она тоже сообщала о том, что «израильские солдаты вошли в мечеть в ответ на акцию мусульман, закидавших камнями евреев». О краеугольном камне было упомянуто лишь в конце сообщения. Похоже, что показ документального фильма о Шароне – это все, на что у BBC хватило смелости, и нового проявления подобной смелости придется ждать еще долго.

² 8 августа 2001

Что же до американских телекомпаний, то они остаются последовательными, без колебаний торгуя израильской версией. Вот почему нам нужно мысленно вернуться к деталям этой странной, уже забытой истории с краеугольным камнем. Это была не обычная израильская провокация. Эта история напоминает случай с черным магическим обрядом «пульса динура» – каббалистическим проклятием, которое наслали на премьер-министра Ицхака Рабина. В 1995 году израильские СМИ рассказали о собрании влиятельных каббалистов, вызвавших к злым духам с просьбой погубить премьер-министра. Вскоре после обряда Рабин был убит еврейским религиозным фанатиком. Один из организаторов обряда «пульса динура» предстал перед израильским судом и был отправлен в тюрьму за подстрекательство к убийству. Чтобы понять логику судьбы, не обязательно верить в черную магию.

Чтобы понять замысел закладки краеугольного камня, представьте: прекрасным воскресным утром вы просыпаетесь в своем пригородном доме, пьете кофе и идете в церковь, а там все бурлит. Напротив церкви под прикрытием вооруженных солдат и полицейских группа людей устанавливает огромный щит с надписью: «В 2001 году на этом месте будет сооружена синагога». А позади них режут бульдозеры, и раввин через громкоговоритель благословляет новую синагогу. Вероятно, вас охватит такая же истерика, как героя книги «Автостопом по Галактике». Поставьте вместо вашей приходской церкви собор Святого Петра или храм Гроба Господня – и вы поймете чувства жителей Иерусалима.

«Верные Храмовой горе» – организация, производившая закладку, – это небольшое и едва ли ведущее религиозное движение, однако этого нельзя сказать о тех, кто дал им зеленый свет. Отклонив возражения полиции, Верховный суд, высший судебный орган Израиля, позволил «Верным» провести ритуал в наиболее подходящий, учитывая его мистическое значение, день – девятый день лунного месяца аб. Для осуществления обряда была задействована вся мощь еврейского государства, в том числе тысячи полицейских и военных. Поэтому крошечную группу «Верных» можно уподобить тонкому острому концу стоматологического зонда в руке дантиста. Зонд глубоко вонзают в зуб, проверяя, умер ли нерв.

Этот болезненный осмотр дал совершенно однозначный результат. Нерв оказался явно живым, а быстрая мобилизация палестинцев заставила евреев пустить процессию «Верных» по другому маршруту. Церемония прошла вне стен Старого Города и чуть раньше, чем планировалось. Длилась она несколько минут, после чего камень вернули на обычное место – под охрану консульства США. Укол зондом вызвал острую боль и предсказуемую реакцию жителей Иерусалима. За ним последовало отвратительное нападение полицейских на мечеть, которое было хорошо описано американской девушкой Ребеккой Элсвитт. В чем была причина всех этих бед? Почему палестинские дети осмелились противостоять израильской жандармерии, известной своей жестокостью? Почему краеугольный камень имеет такое значение?

Многие евреи и их христианско-сионистские сторонники считают, что прекрасную иерусалимскую мечеть VII века Харам аль-Шариф нужно разрушить и построить на ее руинах иудейский храм. Вовсе не для молитв – традиционный иудаизм запрещает касаться Горы Господней. Мистически настроенные евреи верят, что с воздвижением Храма на горе мировое господство евреев станет абсолютным и необратимым. Эта вера не является исключительно прерогативой фанатиков и психов, или даже сионистов, а является скорее широко распространенным убеждением.

Ведущие СМИ обычно представляют конфликт как противостояние мусульман и иудеев. Но в глазах евреев этот конфликт выглядит как «иудеи против гоев» или «Иаков против Эдома». Им кажется, что Храмовая гора – это волшебное Кольцо Всевластья, которым они должны завладеть, когда придет время. Как и во «Властелине колец» Толкина (британский профессор был очень образованным человеком), оно должно вызвать приход Мессии.

Иудейский Мессия у еврейских мистиков – это не христианский Мессия, не кроткий Иисус, несущий послание всему человечеству. Еврейский Мессия навсегда поработит народы

земли, а Избранному Народу даст власть над всем миром. Их Мессию, господина-поработителя народов земных, Отцы Церкви, хорошо знакомые с еврейской доктриной, называют Антихристом.

Когда цифра на счетчике тысячелетий менялась с единицы на двойку, многих посетили мысли об апокалипсисе. Многие евреи мечтали о мировом господстве и вечном царстве Антихриста задолго до этого. Вот только теперь у них есть ядерное оружие, новейшие самолеты и линкоры, огромное богатство, слепая поддержка США, десятки миллионов рабов из числа «христианских сионистов» и широкая сеть прикормленных и послушных международных СМИ.

Десять лет назад влиятельный израильский журналист Нахум Барнеа писал в газете *Yediot Achronot*: «В 1970-х и 1980-х годах значительно усилилось еврейское влияние на американскую внешнюю политику. Благодаря этому Израиль стал главным получателем американской помощи. Однако это влияние породило и мифы. Этот миф возвращает нас к “Протоколам сионских мудрецов”, книге, провозглашающей власть евреев над всем миром. Ситуация донельзя ироническая. Десятилетиями евреи изо всех сил опровергали миф о “Протоколах”, воспринимая его как нездоровое проявление антисемитизма. Теперь евреи обращают его себе на пользу. Некоторые даже верят в него».

Израэль Шахак отмечал: «Правящая партия “Ликуд” (не считая правых экстремистов) свято верит в миф (о мировом господстве евреев и порабощении гоев)». Однако эти наблюдения требуют поправок.

У евреев есть полемическая традиция гиперболизировать утверждения оппонентов, чтобы потом их было легче опровергнуть. Никто не думает, что евреи правят миром – слишком уж тяжелая это работа. Вопрос в том, есть ли у евреев желание править миром. *Хотят* ли они управлять миром? Некоторые, наверное, хотят, остальные же молча соглашаются с ними.

Ведущая ежедневная газета Израиля *Haaretz* сообщала, что Шарон (как и в свое время Барак) тайно навещает магам-каббалистов за советом. Все это теперь чрезвычайно модно: каббалистические школы, курсы и магазины раскинули свою сеть по всему еврейскому государству. Согласно их основным принципам, Святая Земля должна быть превращена в Пустую землю. Это не случайность. Авторство каббалы приписывают мистику I века Симеону бар Йохаю, чья самая известная максима гласит: «Лучшей из змей – разможи голову, достойнейшего из гоев – убей».

Такая архаическая модель господства, геноцида и порабощения требует архаического религиозного наполнения. Многие израильтяне вновь ощущают появление древнего духа ненависти и господства. В еженедельном приложении к *Haaretz* опубликован рассказ: герой рассказа – американский президент, не подчинившийся приказу каббалистов и смещенный своими подчиненными. «Еврейам судьбой предназначено управлять миром», – проповедовал раввин Лейхтман в длинной статье, напечатанной в российско-израильской газете Вести. В израильских чатах можно найти еще более безрассудные заявления: там цитируют старую поэму еврейского поэта Ури Цви Гринберга, которая призывает к истреблению всех гоев. Гринберг не ограничивается ни палестинцами, как покойный Менахем Бегин, ни даже арабами, как высший духовный авторитет Израиля раввин Овадия Йосеф. Идея истребления Едома (кодовое слово, обычно обозначающее европейских и американских неевреев) выглядит убедительно для воспаленных умов последователей каббалы.

Еврейская диаспора проникается этим чувством. В Еврейском общинном центре в Атланте, самом сердце США, недавно прошли дебаты с участием израильского консула, еврейского бизнесмена, известного раввина из Атланты и репортера *New York Times*. Обозреватель написал мне: «Меня поразили, главным образом, комментарии раввина. Утверждая, что он не сионист, он заявлял (у нас есть пленка), что конечной целью создания Израиля было, по его мнению, получение контроля над властью и богатствами всего мира. Евреи в конечном счете

свергнут мировые правительства и встанут во главе мира. Ждать этого, по его мнению, осталось недолго».

В другом конце мира, в России, еврейский последователь ультранационалистического движения Жаботинского, пишущий под псевдонимом Элизер Воронель-Дацевич и называющий себя профессором израильского университета, писал: «Мы, тайные избранники. Нас объединяет одно – ненависть к восставшим илотам, которые лишили власти наших пращуров и отвергли самого Б-га. Давным-давно вы знали свое место: свинья должна жить в хлеву. Вы взбунтовались и стали нашими хозяевами, но теперь ваша погибель близка. Мы ваши хозяева. Вы наши рабы. Это замысел Б-га. Осталось совсем немного, и наше солнце снова покажется из-за горизонта. Это будет Солнце Последних Людей, на которое рабы не смогут даже взглянуть. И тогда с небес явится Г-дь народа моего, и мы, мы, двенадцать дюжин тысяч (т. е. 144 000) избранных, сядем на заранее приготовленные места в великом амфитеатре и будем смотреть на тянущиеся мимо колонны многих и многих душ, которые будут медленно ползти в свой рай. И мы, повинувшись воле Царя Вселенной, дадим их раю имя – Освенцим».

Они поговаривают даже о генетическом создании Короля Антихриста. За этим проектом стоит, видимо, блестящий неортодоксальный врач, доктор Ави Бен Авраам. Этот необычный человек недавно вернулся в Израиль из Калифорнии, где он несколько лет работал для богатых евреев над фантастическим по размаху проектом «Глубокая заморозка» (Deep Freeze). Приехавший с полными карманами денег Бен Авраам построил дворец в Кесарии, на средиземноморском побережье примерно в 50 км от Тель-Авива, а затем связался с итальянским экспертом по генетике доктором Северино Антинори. Бен Авраам, который кстати получил степень доктора медицины в 18 лет (небывалый случай), намекнул на свои планы в интервью газете *Haaretz*. Несколько дней назад его проект заслужил одобрительный отзыв в *New York Daily News*, газете Мортимера Цукермана, миллиардера, сторонника превосходства евреев и главы Конференции еврейских организаций Америки.

Мстительные, преисполненные ненависти люди готовы захватить волшебное Кольцо Всевластия – Храмовую гору, навязать и увековечить правление Антихриста. Но грубая сила тут не поможет: использовать ее запрещает средневековый запрет – Иссур Хома. Необдуманные действия могут обратиться против самих евреев.

Любавический ребе – еврейский религиозный лидер из Бруклина. Ученики считали его возможным Мессией, и поэтому-то он никогда в жизни не приезжал в Святую Землю. Он не чувствовал в себе готовности испытать свои силы. Тем временем дети Палестины сдерживают этих религиозных фанатиков. Шарон и свора его сумасшедших сторонников сегодня пробуют свои силы, захватывая «Ориент-хауз», резиденцию Хуссейни в Иерусалиме. Если это сойдет им с рук, значит они сделают еще один шаг к Кольцу Всевластия.

Русский писатель Евгений Замятин создал поистине евангельскую притчу. В ней рассказывается о человеке, решившем построить храм, но не имевшем денег. Он подстерг на дороге купца, замучил его до смерти, обобрал его и на эти деньги построил храм. Он пригласил епископа, множество священников и простых людей, но вскоре они покинули церковь: это место было пропитано зловонием убийства. Нельзя построить храм на крови невинных. «Духовный сионист» Ахад Гаам, еврейский мыслитель из Одессы, старший современник Замятина, выразил это простыми прекрасными словами: «Если это Мессия, то я не хочу увидеть Его пришествия».

Цветы Галилеи

Эта статья была написана весной 2001 года, и ее целью было разрушить «иудео-христианский» миф американского изготовления, чтобы помочь верующим христианам понять подлинное взаимоотношение между еврейским и христианским нарративом.

Когда в 1543 году подгоняемые тайфуном португальские шхуны приблизились к берегам Японии, остолбеневшие моряки не могли поверить собственным глазам: теплым весенним днем тропический остров был погребен под снегом. Они стали свидетелями настоящего восьмого чуда света, цветения сакуры, дикой японской вишни. Когда благодатные небеса даруют земле этот сезонный дар, японцы забывают жен и детей, трудовые обязанности, работодателей и счета: они сидят под цветущими деревьями, пьют сакэ и пишут стихи, короткие и отточенные, как кинжалы.

Вот почему в эти дни, оставив за спиной наши рукотворные беды, я сижу под светлым облачком дерева и смотрю на прекрасное бело-розовое цветение миндаля, покрывающего холмы Галилеи. Эти прекрасные цветы – наша разновидность японской сакуры, они тоже дают возможность предаться спокойному созерцанию. Аромат меда струится в воздухе, а небеса кристально чисты. Желтые маргаритки танцуют в сочной зеленой траве у корней миндаля, рассыпанные между фиолетовым цветом цикламенов и кровавым – анемонов. Монументальные декорации (как в театре) заднего плана – мощная снеговая шапка Джабаль аль Шейх (горы Хермон). Палестина – сестра Японии. Эти холмистые страны населены упрямыми горными племенами, держащимися за свои обычаи и традиции.

При всем сходстве ландшафта есть и различия. Холм, на котором мы сидим (весь белый, как пена прибоя в Яффе), скрывает руины деревни. Если бы мы находились в Японии, она наверняка была бы жива и галдела бы человеческими голосами. Деревня Бирим мертва уже пятьдесят лет. Она прекрасна даже в смерти, как Офелия, несомая рекой на прерафаэлитских картинах Милле. Нет, она не разрушена войной. Но ее христианские жители были выселены из своих домов после войны 1948 года. Им приказали временно выехать, на неделю или две, из соображений «безопасности». У них не было выбора – они поверили израильским офицерам и оставили свои дома. Еврейские саперы взорвали деревню, а церковь обнесли колючей проволокой. Крестьяне обратились в израильский Верховный суд, в правительство, назначались комиссии и подписывались петиции. Ничего не помогло. С тех пор прошло пятьдесят лет, а они так и живут в соседних деревнях, и только по воскресеньям возвращаются молиться в свою церковь. Их земли присвоили себе их еврейские соседи, но они и по сей день приносят сюда своих умерших, чтобы захоронить их на церковном погосте, под сенью креста.

До прихода израильской армии эта стертая с лица земли деревня с ее осиротевшей церковью была домом для христиан Бирима. Веками они жили под властью ислама, в мире со своими мусульманскими соседями из Неби-Йоша и древней сефардской еврейской общиной близлежащего Сафеда. Эта Герника Галилеи опровергает миф о «войне цивилизаций», в соответствии с которым иудео-христианская цивилизация противостоит ужасному исламу. Среди последователей этого мифа, созданного Самюэлем Хантингтоном можно обнаружить друга Марка Рича и новоявленного гражданина Нью-Йорка У. Дж. Клинтона, и друга А. Шарона, Дж. У. Буша.

Дела на Ближнем Востоке обстояли плохо и до нынешних наездов на мусульман. Но израильские ученые мужи в *New York Times* цитируют леденящие кровь стихи Корана о джихаде и пересказывают старинные рассказы о религиозных войнах и преследованиях в «доказательство» исламской жестокости и нетерпимости. Еврейская леди из высшего класса, Барбара

Амиэль, супруга поклонника Пиночета и медиамагната Конрада Блэка, пишет *sotto voce*³ об исламской «нетерпимости» и еврейской «умеренности». Чтобы разжечь ненависть, израильское лобби дергает за все веревочки. До возвышения Израиля арабские шейхи изображались как романтические герои в фильмах с Рудольфом Валентино в главной роли. Сегодня про-израильские продюсеры Голливуда штампуют пропагандистские фильмы о небритых мусульманских террористах в манере Эдварда Д. Вуда-младшего. Новое предубеждение усиливается в сотни раз Христианским сионистским конгрессом, на котором раздаются голоса в «защиту христиан Палестины от мусульманских (!?) преследований». Эти люди определенно не бродили среди руин Бирима.

Очередное письмо влетело в мой портативный компьютер, на сей раз из Газы. Американка Алисон Вейр из Сан-Франциско укрывается от израильских пуль, утешает насмерть перепуганных палестинских ребятишек, и пишет:

Беда в том, что правда куда страшнее, и куда менее похожа на то, что мы раньше думали, и что по сей день думают другие. Ложь повсеместна, притеснение всесторонне, а жизнь палестинцев слишком ужасна, чтобы спокойно о ней писать.

К несчастью, Алисон права. Мы встречаемся лицом к лицу с большой ложью, с расистской клеветой, с кровавым наветом на мусульман, и это пора остановить. Я не думаю, что проблемы Ближнего Востока связаны с исламом. Но если сторонники Израиля желают разбудить спящий призрак религиозной нетерпимости и натравить христиан на мусульман, – давайте сперва проверим их собственный счет. Если эти «христианские сионисты» заботятся о Христе, а не только о Сионе, давайте покажем им, что евреи испытывают по отношению к Христу, и как относятся к нему мусульмане.

Рами Розен выразил еврейское отношение в пространной статье на страницах израильской газеты *Haaretz*: «Евреи испытывают сегодня по отношению к Иисусу те же самые чувства, что они испытывали в IV веке или в Средние Века... Это не страх, но ненависть и презрение. На протяжении веков евреи скрывали от христиан свою ненависть к Иисусу, и эта традиция продолжается до сих пор. “Он (Иисус Христос) – мерзкий и отвратительный тип”, – заметил важный современный еврейский мыслитель. Это отвращение перешло от религиозных евреев ко всем израильтянам в целом», – отмечает Розен.

На Рождество, пишет иерусалимская газета *Kol Ha'ir*, хасиды не читают священных книг, так как это могло бы спасти Иисуса от вечного наказания. Талмуд (Гитин 57а) учит, что Иисус варится в аду, в чане с кипящим калом. Поэтому они режут туалетную бумагу. Этот обычай начал было угасать, но хасиды движения «Хабад», ярые шовинисты и ненавистники Христа, возродили его. Американская еврейская газета *Forward*⁴ посвятила длинную статью еврейским рождественским обычаям. Восточноевропейские евреи, пишет газета, играют на Рождество в карты, чтобы ничем добрым не отметить память Того, кто родился в эту ночь. Евреи не говорят «Рождество», но пользуются оскорбительными выражениями, например, «нитльнахт» (каламбур с идишским словом «нит», ничего), «крецмах», («чесотка» на идиш), «талуй-нахт», «ночь повешенного», или по-украински «Слипый вечер» вместо «святой вечер», «Хвориство» (от слова «хворь», вместо украинского «Риздво»). *Forward* заключает: «Евреи терпеть не могут Рождество, потому что в этот день христиане празднуют свое абсурдное и омерзительное поверье в Воплощение». Американские еврейские организации упорно боролись и добились своего – в Америке запрещено петь рождественские песни в школах, запрещено выставлять сцены Рождества, и даже поздравлять с Рождеством. Я еще помню старых евреев, плевавших в сто-

³ Втихаря (ит.).

⁴ 10 января 2003

рону церкви, когда они проходили мимо, и проклинавших мертвых гоев, когда они проходили мимо христианского кладбища. Год назад, в Иерусалиме, один еврей решил освежить эту традицию: встретив крестный ход, он плюнул на Святой Крест. Полиция спасла его от неприятных последствий, но суд оштрафовал на 50 долларов, несмотря на то, что он утверждал, будто исполняет свой религиозный долг.

В прошлом году израильский таблоид, газета Yediot Achronot, издала еврейское анти-Евангелие, «Толедот Ешу», текст, составленный в средние века. Это третье недавнее переиздание, включая одно газетное. Если Евангелие – проповедь любви, «Толедот» – это проповедь ненависти к Христу. Герой этой книги – Иуда. Он берет Иисуса в плен, осквернив его чистоту. Согласно «Толедот», замысел Христа коренится в грехе, чудеса Иисуса – колдовство, а его воскресение – трюк.

Описывая Страсти Христовы, Иосиф Дан, профессор еврейского мистицизма в Еврейском университете в Иерусалиме, заявляет:

Современные еврейские апологеты, не без колебания одобренные католической церковью, предпочли взвалить вину на римлян. Но средневековые евреи вообще не собирались сваливать ответственность на других. Они доказывали, что Иисуса следовало убить, и гордились тем, что его убили. Евреи ненавидели и презирали Христа и христианство.

Профессор Дан замечает: трудно сомневаться в том, что еврейские враги Иисуса организовали его казнь. Даже сегодня евреи в Израиле называют Иисуса не иначе как уничижительным сокращением его имени – Ешу (вместо Йешуа), что можно понять как проклятие «да сотрется имя его». (Ученые спорят, возникло ли проклятие на основе Его имени, или наоборот.) Аналогично, Евангелие зовется «Авон Гилайон», Книга Греха. Вот какие ласковые чувства к Христу испытывают друзья христианских сионистов.

А мусульмане? Они почитают Христа. Его называют его «Словом Господа», «Логосом», «Мессией», «Христом», «Пророком» и считают Посланцем Бога, таким, как Авраам, Моисей и Мухаммед. Многие главы Корана рассказывают историю Христа, его непорочного зачатия и его страданий. Его святая мать почитается и пользуется всеобщей любовью, а непорочное зачатие – один из догматов ислама. Имя Христа прославляет золотой купол Харам иль-Шарифа в Иерусалиме. Согласно мусульманской вере, именно тут основатель ислама встретил Иисуса, и они молились вместе. Хадит, мусульманская традиция, говорит от имени пророка: «Мы не запрещаем вам верить в Христа, а наоборот, повелеваем». Исламская традиция отождествляет Мухаммеда с Параклитом-Утешителем (Иоан. 14: 16), приход которого был предсказан Иисусом. Мусульмане чтут места, связанные с Иисусом: место Вознесения, могила Лазаря и место Рождества Христова соседствуют с мечетями и открыты для христиан.

Хотя мусульмане (как и многие протестанты) не считают Иисуса Богом, они объявляют его Мессией, Помазанником Божьим, Небожителем. Эта религиозная идея, знакомая несторичанцам и другим ранним церквям, но отвергнутая православием, открыла двери для тех евреев, которые не могли отойти от жесткого монотеизма. Вот почему многие палестинские евреи (и христиане) в седьмом веке приняли ислам и стали палестинскими мусульманами. Они остались в своих деревнях, они не уехали в Польшу или Англию, они не стали зубрить идиш, не взялись за изучение Талмуда, но продолжали пасти своих овец и выращивать миндаль. Они остались верны своей земле и великой идее общечеловеческого братства.

К югу от Хеврона, на руинах Сусии, можно увидеть, как за два столетия синагога постепенно превращалась в мечеть, по мере того, как жители близлежащих пещер отошли от веры вавилонских колдунов и приняли ислам. Эти пастухи все еще живут здесь, в тех же самых пещерах. В прошлом году израильская армия дважды пыталась выгнать их, чтобы освободить место для новых колонистов из Бруклина.

Почему в эту пору цветения миндаля я размышляю на болезненную тему еврейского и мусульманского отношения к Христу? Потому что кто-то должен остановить мельницы ненависти, которые запустили сторонники Израиля. Потому что код «иудеохристиан» используется для оправдания колючей проволоки вокруг Биримской церкви и танков вокруг Вифлеема. Потому что мы обязаны убрать препятствие с дороги слепого.

Подавляющая часть христианских сионистов – это простые заблудшие души, люди с благородными намерениями, но слабыми знаниями. Они думают, что они «поддерживают евреев», но на самом деле они помогают насаждать дух ненависти к Христу среди евреев. Не случайно герой «библии сионистов» – книги Леона Юриса «Эксодус», – хранил плакат в своей комнате, гласящий: «Мы распяли Христа». Не случайно израильский солдат на заблокированной дороге в Вифлеем сказал мне вчера: «Мы заморим тварей», – имея в виду христиан, местных жителей града Рождества. Не зря Евангелие было сожжено на костре в Израиле, и не случайно антиевангелическая литература широко распространяется там. Не случайно новых русских иммигрантов преследуют и высылают из страны, если они обращаются к Христу. Любого проповедника христианской веры в Израиле можно бросить в тюрьму по новым антихристианским законам, и не случайно израильские археологи стирают христианские святыни и памятники с лица Святой Земли.

Лидерам христианских сионистов, которые, конечно же, знают эти факты, но ведут свое невинное стадо по дороге Антихриста, я скажу:

Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, чем соблазнил одного из малых сих (Мф. 18: 6).

Моим еврейским братьям я скажу: убеждения средневековых евреев не обязательны для нас. Каждый еврей способен решать сам за себя, молиться ли за погибель гоев, или разделить благословение Святой Земли с крестьянами Бирима и Вифлеема. Среди еврейского народа всегда живы духовные потомки пророков, которые желали принести мир и благословение всем детям Адама. Истинно как цветение миндаля, в вас исполнится пророчество: «Все народы земли благословят Вас» (Втор. 7)

Пруд Мамиллы

Время ускорило свой бег. Еще вчера мы не смели назвать израильскую политику официальной дискриминации палестинцев жестким словом «апартеид». Сегодня, когда танки и ракеты Шарона утюжат беззащитные города и деревни, этого слова уже не хватает. Применяя его к Израилю, мы напрасно обижаем белых расистов Южной Африки. Они, по крайней мере, не посылали артиллерию и танки против мирного населения и не душили Соуэто кольцом блокады. Они не пытались отрицать, что их кафиры тоже люди. Еврейские расисты пошли гораздо дальше. Они вернули нас, как по мановению волшебной палочки, в мир Иисуса Навина и царя Саула.

В поисках подходящего слова корреспондент газеты *Independent* Роберт Фиск предложил назвать события в Палестине «гражданской войной». Если это гражданская война, то заклятие ягненка – бой быков. Слишком неравны силы сторон. Нет, это не «гражданская война», это ползучий геноцид.

В этом месте хороший еврейский публицист должен вытащить носовой платок и воскликнуть: «Как мы, вечные жертвы преследований и погромов, можем совершать подобные преступления!» Не ждите, затаив дыхание, этой реплики. Евреи совершали геноцид в прошлом, и вполне способны его повторить.

Евреи не более кровожадны, чем остальное человечество. Но безумная мысль об избранности, мания превосходства – расового и религиозного – движущая сила любого геноцида. Если ты веришь, что сам Господь Бог избрал твой народ править миром, если ты серьезно считаешь других «недочеловеками», тебя покарает тот самый Бог, имя которого ты помянул всуе, но превратит он тебя не в безвредную лягушку, а в маньяка-убийцу. Когда японцев поразил вирус этой болезни в 1930-х, они раскурочили Нанкин и ели печень пленных. Немцы, одержимые комплексом арийского превосходства, завалили Бабий Яр трупами. Вдумчивые читатели библейских книг Иисуса Навина и Судей, отцы-основатели Соединенных Штатов, примерили на себя корону избранничества, и почти полностью истребили индейцев.

Еврейская мания избранности не раз приводила к геноциду. Возле Яффских ворот Иерусалима некогда стоял небольшой полупромышленный район Мамилла, несколько лет назад разрушенный строителями жилых домов. На его месте они воздвигли гигантскую подземную автостоянку и уродливый комплекс домов для сверхбогачей, граничащий с роскошным отелем «Цитадель Давида». Чуть подальше сохранилось старое кладбище Мамиллы, где погребены арабские вельможи, пришедшие с Омаром в 638 году, и пруд Мамиллы – прямоугольный водосборник размером со стадион и глубиной в пять метров, выкопанный по приказу Понтия Пилата. Когда в нем нет воды, он похож на большой котлован. Неподалеку от пруда, в ходе строительных работ было обнаружено пещерное захоронение с сотнями и сотнями черепов и костей. Оно было украшено крестом и надписью: «Одному Богу ведомы их имена». Журнал *Biblical Archaeology Review* (издатель – американский еврей Гершель Шанкс) напечатал длинную статью⁵ израильского археолога Ронни Райха об этой находке.

Останки усопших были погребены в пещере в 614 году н. э., самом страшном году в истории Палестины вплоть до XX столетия. Шотландский историк и географ Адам Смит написал в своей книге «Историческая география Палестины» («*Historical Geography of Palestine*»): «Рана ужасной катастрофы 614 года, оставившая видимые следы в этой земле, до сих пор не зарубцевалась».

В 614 году Палестина была провинцией Византийской империи. Это был процветающий, в основном христианский край с хорошо развитым сельским хозяйством, сложной ирри-

⁵ BAR, 1996, v. 22, № 2.

гационной системой и заботливо сложенными террасами. Толпы паломников посещали святые места: воздвигнутые Константином храм Вознесения на Масличной горе и храм Воскресения Христова (Гроб Господень) считались рукотворными чудесами света. Иудейскую пустыню оживляли восемьдесят монастырей с их собраниями бесценных рукописей и богослужениями. Отцы церкви, блаженный Иероним из Вифлеема, Ориген и Евсевий из Цезареи все еще жили в народной памяти. Замечательный палестинский писатель, сопоставимый с малыми пророками, блаженный Иоанн Мосх, только что закончил свой труд «Луг духовный».

Существовала и богатая еврейская община, жившая среди христиан, в основном в Тивериаде, на берегах Галилейского моря. Ее мудрецы только-только завершили свою версию Талмуда, кодификацию своей веры, раввинистического иудаизма, но за духовным руководством они обращались к гораздо более многочисленной еврейской общине в персидской Вавилонии.

В 614 году местные палестинские евреи объединились со своими вавилонскими единоверцами и помогли персам завоевать Святую Землю. Двадцать шесть тысяч евреев участвовали в нападении. После победы персов евреи осуществили массовый холокост палестинских христиан. Они сжигали церкви и монастыри, убивали монахов и священников, бросали в костер книги. Непревзойденной красоты базилика Рыб и Хлебов в Табге, храм Вознесения на Масличной горе, церковь св. Стефана Первомученика напротив Дамаских ворот, собор св. Сион на Сионской горе возглавляют длинный список разрушенных храмов. Немногие церкви пережили этот погром. Великая Лавра Саввы Освященного, запрятанная в бездонном Ущелье Огня (Вадиан-Нар), уцелела благодаря своему отдаленному местоположению и отвесным скалам. Церковь Рождества была спасена чудесным образом: когда евреи приказали ее разрушить, персы заартачились. Они сочли мозаичное изображение трех волхвов над дверью портретом персидских царей и защитили церковь.

Но этими варварскими разрушениями погром не окончился. Когда Иерусалим сдался персам, тысячи местных христиан попали в плен, и были загнаны в пустой пруд Мамиллы. Израильский археолог Ронни Райх пишет:

По всей видимости, они были проданы тому, кто заплатил за них самую высокую цену. Согласно ряду источников, христианских пленников купили евреи, которые затем убили их прямо на месте.

Оксфордский профессор Генри Харт Милман в своей «Истории евреев» описывает это событие более красочно:

И вот он наступил, долгожданный час триумфа и мщенья, и евреи не упустили случая. Они смыли осквернение святого града реками христианской крови. Говорят, что персы продавали несчастных пленников с молотка. Мстительность евреев оказалась сильнее их алчности: они не только не пожалели свои сокровища ради приобретения этих невольников, но и казнили всех, за кого так щедро заплатили. Современники говорили, что погибло 90 тысяч человек...

Свидетель бойни, Стратегий из лавры Саввы Освященного, не так хладнокровен:

Вслед за этим мерзкие евреи... возликовали чрезвычайно, ибо они терпеть не могли христиан, и задумали дьявольский план. Как встарь они купили Бога за тридцать сребренников, так и сейчас они купили христиан из пруда... Сколько душ погубили они в пруду Мамиллы! Сколько погибло от голода и жажды! Сколько священников и монахов они предали мечу! Сколько дев, отказавших отвратительным насильникам, предано смерти врагом! Сколько родителей заколото на трупах своих детей! Сколько людей привели туда евреи и зарезали,

как скот на бойне, сколько стало святыми мучениками! Кто мог бы сосчитать трупы замученных в Иерусалиме!

По мнению Стратегия, в этой кровавой бойне погибло 66 тысяч палестинских христиан.

Говоря прозой, евреи выкупили христиан из рук персидских солдат за хорошие деньги, а потом зарезали своих пленников в пруду Мамиллы, «который до краев наполнился кровью». Только в Иерусалиме евреи убили от 60-ти до 90 тысяч палестинских христиан. В пересчете на сегодняшний день это было бы полтора миллиона человек, ведь согласно Британской энциклопедии, все население Земли тогда составляло 300 миллионов человек, в двадцать раз меньше, чем сегодня. Несколько дней спустя персидские военачальники осознали размах резни, и остановили убийц.

Израильский археолог Ронни Райх, к его чести будет сказано, не пытается свалить вину за резню на персов, как обычно делается в наши дни. Он признает, что «персидская империя не была основана на религиозных принципах и отличалась религиозной терпимостью». Этот честный человек определенно не смог бы писать для газеты *Washington Post*. Корреспондент WP в Израиле охарактеризовал бы резню как «ответный удар евреев, страдавших под гнетом христиан».

Холокост палестинских христиан в 614 году хорошо документирован, и каждый может найти его описание в старых книгах. Но в современных путеводителях и учебниках он не упоминается. Эллиотт Горовиц, в своем блестящем обзоре еврейской исторической апологетики⁶ описал, как практически все еврейские историки утаивали факты и переписывали историю. Их укрывательство продолжается и по сей день. Недавние израильские публикации сваливают вину на персов, как они перекалывают ответственность за резню в Сабре и Шатиле на ливанских маронитов.

Горовиц пишет:

Рауль Хильберг, в историческом труде «The Destruction of the European Jews», утверждает, что «превентивные атаки, вооруженное сопротивление и месть почти полностью отсутствуют в двухтысячелетней истории еврейских гетто». Ави Иона, ведущий израильский историк, Леон Поляков, автор «Истории антисемитизма» (изданной на средства вора Марка Рича. – И. Ш.), и многие другие оправдывают, замалчивают или полностью отрицают холокост 614 года. Бенцион Динур, бывший директор Музея-мемориала (еврейского) Холокоста Яд ва-Шем, использовал эвфемизм, который глубоко оскорбил бы его самого, если бы речь шла о евреях: «непокорность христиан была обуздана».

Как правило еврейские исторические и идеологические писания печально известны своей ненадежностью и апологетикой, показывает Горовиц. Конечно, «не все евреи без исключения грешат этим», чему доказательством сам Горовиц, Финкельштейн и другие замечательные люди, но они первыми бы согласились с этой оценкой. Фарисейское самодовольство и необоснованные претензии на мученический венец, подкрепляемые тенденциозными, искажающими историю легендами, привели к ментальной дисфункции, одержимости, столь характерной для многих современных евреев. Эта одержимость одурманивает евреев и придает им необычную силу при отстаивании своих искаженных представлений. Это грубое искажение реальности превращает евреев в непобедимых берсерков идеологической борьбы. Но эта успешная стратегия – душевная болезнь, опасная для душ евреев и для жизни всех прочих.

⁶ «The Vengeance of the Jews Was Stronger Than Their Avarice: Modern Historians and the Persian Conquest of Jerusalem in 614» in *Jewish Social Studies*, Vol. 4, № 2 (Indiana University).

Поэтому я искренне сожалею, что повсюду – от Осло в Норвегии до Маршалловых островов в Тихом Океане, растут, как поганки, музеи холокоста, сводящие с ума евреев, вбивающие им в души опьяняющую ложь о «всемирной ненависти», на которую надо ответить ненавистью и мстостью. Что стало бы с обиженной девушкой, если бы ей каждый день по двадцать раз напоминали о происшедшем изнасиловании? Она, наверное, сошла бы с ума или превратилась в маньяка-убийцу. Чтобы спасти ее, следовало бы напомнить, что и ее руки не чисты.

Евреи – не первые и не последние люди, сводимые с ума тенденциозными рассказами. Немцы были опьянены несправедливостью Версальского договора, и Адольф Гитлер озвучил эту болезнь. Эрик Марголис пишет в газете *Toronto Sun*⁷ об армянах, приведенных в бешенство односторонним пересказом истории страданий их отцов в 1915 году. В результате, в 1990-х они вырезали тысячи своих мирных соседей-азеров и изгнали 800 тысяч местных не-армян. «Пришло время признать все ужасы прошлого», – делает вывод Марголис. Но на мой взгляд, пришло время признать опасность подстрекательского, провокаторского, одностороннего нарратива. Ведь такой же набор тенденциозных, искажающих реальность легенд была использована активистами воинствующего феминизма, коммунизма, психоанализа, неоконсерватизма, неолиберализма, сионизма чтобы разъярить своих сторонников и превратить их в берсерков идеологической борьбы.

В постсоветской России антикоммунисты вовсю использовали этот прием. Их тенденциозные рассказы об ужасах большевистской власти и о зверствах красных были типизированы художником Глазуновым и разоблачены Станиславом Куняевым⁸. Без этого противоядия читатели могли бы проникнуться ненавистью к истории своей страны и к собственным отцам и дедам.

Односторонний нарратив привел нас в безумный, больной мир. Наша главная система общения, СМИ, усугубляет эту болезнь, и ведет нас к гибели. Чтобы вернуться к здравому смыслу, нужно поддерживать сбалансированную, альтернативную дискуссию. А коль скоро евреи обладают большим влиянием в современном мире, еврейский кривобокий, односторонний дискурс должен быть деконструирован, и венец мученичества осторожно снят.

Пусть трагические события 614 года вернутся в исторические хроники, ибо это поможет евреям излечиться от своих параноидных иллюзий. Не зная их, невозможно понять условия договора 638 года между иерусалимцами и халифом Омаром ибн Хаттабом. В Сулах аль Кудс, где был заключен этот договор, Патриарх Софроний попросил, а могущественный арабский правитель согласился защитить жителей Иерусалима от еврейских зверств.

Геноцид 614 года был самым ужасным, но не единственным геноцидом, совершенным евреями в то тревожное время. Хотя библейская история завоевания Ханаана Иисусом Навином – всего лишь сказка, она повлияла на еврейские души. Шестой век был эпохой сильного еврейского влияния, и на его долю выпало гораздо больше резни, чем обычно.

Так, всего за несколько лет до трагедии 614 года, в 610 году, евреи Антиохии вырезали христиан. Еврейский историк, Генрих Грец, создатель самой лживой, тенденциозной и увы, популярной шеститомной «Истории Евреев», писал:

(Евреи) обрушились на своих соседей-христиан и отомстили за страдания, которые они перенесли; они убили всех, кто попал в их руки, и бросили тела в огонь, как христиане поступили с ними сто лет назад. Патриарх Анастасий, объект особой еврейской ненависти, подвергся надругательству, и его тело волокли по улицам до того, как предали смерти.

⁷ 22 апреля 2001

⁸ <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/denlit/104/61.html>

Генрих Грец, как и пресс-атташе израильской армии, убеждены, что евреи всегда «вершат возмездие». Эта догма не была изобретением CNN или Шарона: она глубоко укоренена в еврейской психике, как последнее средство защиты. Впрочем, Грец (как и прочие еврейские историки) не решился рассказать, что во время антиохийской резни

Евреи Антиохии выпотрошили великого Патриарха Анастасия, заставили его глотать собственные кишки; они вырвали его гениталии и бросили ему в лицо.

После холокоста 614 года прошло 25 лет, и Палестина была завоевана арабами халифа Омара. Вскоре большинство палестинских евреев и христиан приняло учение Пророка, хотя и по разным причинам. Местным христианам ислам представлялся чем-то вроде несторианского христианства без икон, без вмешательства Константинополя и без греков. (Господство греков в палестинской церкви остается проблемой местных христиан вплоть до сегодняшнего дня).

Для простых местных евреев ислам был возвращением к вере Авраама и Моисея. В любом случае они не могли разобраться в крайне сложных и запутанных лабиринтах новой еврейско-вавилонской веры (раввинистического, талмудического иудаизма). Большинство из них стало мусульманами и слилось с остальным палестинским населением.

Современные евреи не должны ощущать вины за кровавые злодеяния давно ушедших в небытие евреев. Сын не отвечает за грехи отца. Но Израиль мог бы превратить эту братскую могилу с ее византийской часовней и мозаикой в небольшой и трогательный мемориал, напоминающий своим гражданам об ужасной странице в истории страны и об опасности мании превосходства. Вместо этого израильские власти предпочли уничтожить захоронение и устроили на его месте подземную автостоянку, что не вызвало ни малейшего ропота.

Хранители еврейской совести, например, писатель Амос Оз и другие, выступили против разрушения следов прошлого. Но нет, не братской могилы в Мамилле. Они составили петицию против прокладки десятидюймовой трубы во дворе мечети Аль-Акса. Неважно, что ведущие израильские археологи дали «зеленый свет» работам – еврейские письменники назвали прокладку трубы «варварским преступлением мусульман, направленным на уничтожение еврейского наследия Иерусалима». Среди подписавшихся я обнаружил, к своему изумлению и сожалению, имя Ронни Райха, хотя он мог бы рассказать им, кто уничтожил следы еврейского наследия у пруда Мамиллы.

Тенденциозно подобранная история создает искаженную картину действительности. Признание прошлого с его достижениями и преступлениями – необходимый шаг на пути к душевному здоровью народа. Немцы и японцы признали преступления своих отцов, осознали их моральное падение, и вышли из этого испытания более скромными и менее кичливыми. Мы, евреи, не сумели изгнать надменный дух избранничества, и оказались в затруднительном положении.

Поэтому идея превосходства до сих пор правит нами, как и прежде, призывая к геноциду. В 1982-м году Амос Оз встретил израильтянина, который поделился с автором своей мечтой стать еврейским Гитлером для палестинцев⁹. Настойчивые слухи отождествляют этого потенциального Гитлера с Ариэлем Шароном. Так это или нет, но его мечта шаг за шагом реализуется.

Ведущая израильская газета *Haaretz* поместила на первой полосе¹⁰ платное объявление – фатву, галахический приговор раввинов. Раввины провозгласили, что «Измаил» (арабы) это и есть «Амалек». «Амалек» упомянут в Библии: это племя, причинившее много бед Сынам Израиля, и в наказание Бог Израиля приказал своему избранному народу поголовно истребить

⁹ Amos Oz, *Here and there in the Land of Israel*.

¹⁰ 21 ноября 2000

его, вплоть до последнего ребенка и домашнего животного. Царь Саул, воевавший с Амалеком, напортачил: перебить-то их он перебил, но пощадил нерожалых дев. Этот прокол стоил ему царской короны. Долг «истребить народ Амалека» и по сей день числится среди основных заветов еврейской веры, хотя точно не известно¹¹, кто является потомком проклятого племени.

После Второй мировой войны некоторые евреи, включая будущего премьер-министра Менахема Бегина, считали Амалеком немцев. Воодушевленный этим мнением, еврейский религиозный социалист и борец против нацизма, Абба Ковнер, решил отравить систему водоснабжения немецких городов и убить шесть миллионов немцев. Яд он получил то ли от будущего президента Израиля Эфраима Кацера, то ли от его брата, в будущем – создателя израильской атомной бомбы. Кацер полагал, что Ковнер намеревался отравить «только» несколько тысяч немецких «амалеков». По воле случая этот план провалился, когда Ковнер был задержан британскими чиновниками в порту. Этот инцидент был описан в изданной в 2001 году в Израиле биографии Ковнера, написанной профессором Диной Порат, главой Центра исследований антисемитизма при Тель-Авивском университете¹².

Говоря простым языком, раввины постановили: евреи обязаны перебить всех арабов, включая женщин и грудных младенцев, а также их домашних животных, до последнего кота. Либеральная газета *Haaretz*, редактор и владелец которой достаточно сведущи, чтобы понять смысл этого постановления, донесла его до читателя. Некоторые палестинские активисты недавно раскритиковали меня за публикацию статей в русском еженедельнике *Завтра* и за цитаты из американского еженедельника *Spotlight*. Интересно, почему они не осудили меня за мои статьи в *Haaretz*? По крайней мере, *Завтра* и *Spotlight* никогда не публиковали призывов к геноциду.

Было бы несправедливо указывать пальцем только на *Haaretz*. Другая видная еврейская газета, *Washington Post*, опубликовала не менее пылкий призыв к геноциду, автором которого является Чарльз Краутхаммер¹³. Этот поклонник царя Саула, не полагаясь на глубокое знание его читательской аудитории Библии, сослался на массовое убийство иракских солдат, устроенное генералом Пауэллом в конце первой иракской войны. Автор цитирует слова Колина Пауэлла: «Сначала мы их окружим, а потом всех до единого перебьем». В своей статье с ее тщательно взвешенными выражениями и старательно выбранными цитатами Краутхаммер не случайно козыряет «неодушевленным» английским местоимением, когда пишет о множестве убитых арабов; из двух английских слов он выбрал именно «it» – так говорят не о людях, но о животных. «Они» (арабы) – это «it» (животные, не люди). На заключительной стадии войны 1991 года огромные массы отступавших и безоружных иракцев были хладнокровно перебиты военно-воздушными силами США, и тела их были зарыты бульдозерами в песке пустыни в гигантских и безымянных братских могилах. Число жертв этой гекатомбы – от 100 тысяч до полумиллиона. Одному Богу ведомы их имена.

Краутхаммер хотел бы повторить этот подвиг в Палестине. Палестинские «животные» уже окружены, отрезаны от окружающего мира, разделены израильской армией на семьдесят частей. Теперь все готово к большой бойне. «Убивайте их» – страстно призывает он. Наверное, он опасается, как бы персы снова не остановили кровавый пир до того, как пруд Мамиллы до краев наполнится кровью. Его опасения – наши надежды.

¹¹ Средневековая еврейская традиция считала армян, постоянных торговых конкурентов, сынами Амалека.

¹² *Haaretz*, 28 апреля 2001.

¹³ *Washington Post*, 20 апреля 2001.

Убийцы вампиров

Народные легенды о вампирах предлагают читателям различные средства от нападения кровососов. Помогает горсть могильной земли, хорош чеснок, а самым эффективным оружием считается крест. Но эти средства не всегда действуют. В уморительной комедии ужасов Романа Поланского «Бесстрашные убийцы вампиров» герой пытается отпугнуть крестом вампира-еврея. Тот смотрит на него с понимающей улыбочкой, словно взятой из «Молочника Тевье», и молча обнажает клыки. Крест его не пугает. Я невольно вспоминаю этот фильм, наблюдая за новой волной споров о Холокосте.

Историки-ревизионисты (те, кого их противники называют «отрицателями Холокоста») вознамерились встретиться в Бейруте, дабы сравнить результаты своих исследований нацистского геноцида. Общественные организации американских евреев, в том числе Сионистская организация Америки (СОА) и Антидиффамационная лига, потребовали запретить конференцию, и ливанское правительство подчинилось.

Нельзя сказать, что СОА выступает против ревизионизма как такового. Эта организация сама подала пример отрицания истории, выпустив за счет американских налогоплательщиков брошюру под названием: «Дейр-Яссин: история одной лжи». Дейр-Яссин – мирная деревня, на которую девятого апреля 1948 напали еврейские террористические группировки «Эцель» и «Лехи» и вырезали всех жителей – и мужчин, и женщин, и детей. Не стану углубляться в кровавые подробности: отрезанные уши, вспоротые животы, изнасилованные женщины, сожженные заживо мужчины, тела, сброшенные в каменоломни, триумфальное шествие убийц... Все бойни, от Бабьего Яра до Дейр-Яссина, по сути одинаковы.

Ревизионисты из СОА взяли на вооружение все методы своих противников-«отрицателей»: они отвергают свидетельства очевидцев – выживших, работников Красного Креста, британской полиции, еврейских разведчиков и других еврейских наблюдателей, присутствовавших при резне. Отвергают даже извинение Бен-Гуриона, указывая, что в конце концов командиры этих банд, в свою очередь, стали премьер-министрами еврейского государства. Для СОА ценны только свидетельства убийц. Конечно, если убийцы – евреи.

Если евреи – жертвы, СОА не жалеет никаких сил для опровержения ревизионизма. Эта этически сомнительная позиция, несомненно, очень удобна для участников несостоявшейся конференции в Бейруте. Согласно их логике, если израильтяне рассказывают сказки о том, что произошло в 1948 году, то это бросает тень и на воспоминания евреев о Холокосте.

Они напоминают нам о других случаях раздувания катастроф с последующим разоблачением, имевших место в XX веке. *New York Times*, *BBC*, *CNN* и многие другие СМИ сообщали о «резне в Тимишоаре», предпринятой Чаушеску, число жертв которой якобы составило 90 000 граждан. Чаушеску был расстрелян, к власти пришли прозападные политики... а независимое расследование установило, что погибли всего 96 человек – в тысячу раз меньше, чем нам рассказывали. В первых сообщениях об 11 сентября шла речь о 60 000 жертвах, из них 4 000 израильтян. Теперь мы знаем, что погибло лишь 3 000 человек, и из них около сорока евреев: общее число жертв уменьшилось в двадцать раз, число жертв-евреев – в сто раз.

Еще одно разоблачение связано с кишиневским погромом. Поначалу свидетели и еврейские организации говорили о пятистах убитых. Затем их число снизилось до сорока восьми – в десять раз меньше. Современные историки отмечают, что во всех погромах в царской России число жертв-евреев составляло приблизительно одну треть от общего числа жертв вялотекущей «войны» украинских крестьян-бедняков против еврейской буржуазии (сейчас ее называют «украинской интифадой»). Согласитесь, в школах нам, евреям, рассказывали об этом совсем иначе.

Число жертв страшного еврейского погрома, устроенного казаками Хмельницкого в 1648 году, которое обычно оценивается в 500 000 человек, современный еврейский исследователь Джонатан Израэл снижает в десять раз¹⁴. Кроме того, он отрицает, что имело место истребление евреев: шла гражданская война, и евреи страдали в ней не больше и не меньше других участников – украинцев и поляков.

Вдохновленные этими достижениями, выиграли несколько очков и ревизионисты: истории о мыле из человеческого жира, рассказы Визеля о сжигании людей живьем в печах и другие, еще более невероятные свидетельства были отправлены на свалку. Но, помимо этого ревизионисты подвергают сомнению общее число потерь евреев. Это непростой вопрос, и сложности начинаются с трактовки самого понятия «потери».

Хороший пример «определения жертвы» предоставил на прошлой неделе *Haaretz*. В 1991 году, по окончании войны в Персидском заливе, было объявлено, что в ходе военных действий погиб один израильтянин. Сейчас израильские потери в этой войне официально оцениваются в сто человек, и родственники этих людей получают пенсии от правительства Ирака. Одни жертвы погибли от стресса, другие задохнулись, не сумев снять противогазы. Автор статьи в *Haaretz* утверждает, что многие другие иски были попросту отклонены израильскими властями.

Оценивая потери евреев во Второй мировой войне, еврейские организации берут численность евреев в довоенной Европе, отнимают от нее численность евреев в Европе после войны и получают более пяти миллионов евреев, погибших во время войны. Сюда входят и еврей-солдаты, такие как мой дядя, который погиб, защищая Ленинград. Сюда же входит и мой престарелый дед, умерший от старости и недоедания в еврейском квартале Станиславова. Сюда же попадают жертвы тифа и других заболеваний, а также умершие от голода. Число их, конечно же, велико – война была поистине страшной. Например, в Белоруссии, где проживало множество евреев, из каждых четырех жителей (евреев и гоев, вместе взятых) выжил лишь один.

Вот почему необходимо отвергнуть концепцию еврейского Холокоста, искусственно отделяющую погибших евреев от огромного множества их погибших соотечественников и собратьев по испытаниям. Эта концепция разделяет моего дядю-солдата Авраама и его товарища по взводу Ивана, убитых одним снарядом. Она отделяет мою тетю, застреленную с брьющего немецкого самолета от ее возлюбленного-поляка. Эта концепция должна быть отвергнута – она отравляет умы евреев, заражая их ненавистью к неевреям и чувством собственной исключительности.

Однако на этом ревизионисты не останавливаются: многие из них рискуют своими карьерами и имуществом, стремясь подорвать то, что они называют «мифом о Холокосте». Их можно понять. В наше время позволено открыто подвергать сомнению любые мифы, от непорочного зачатия до мифов, лежащих в основе существования Израиля. И лишь культ Холокоста занимает уникальное положение: всякое исследование, способное вызвать сомнение в его священных догматах, запрещено законом. Догматы имеют свойство привлекать к себе критические умы. Но за этой «красной мулетой» рога атакующего быка встречают лишь пустоту. Споры о газовых камерах и производстве мыла бывают острыми и занимательными, но они не относятся к сути дела. Где же матадор?

В своем разоблачительном бестселлере «Индустрия Холокоста» доктор Норман Финкельштейн сделал смелый шаг. Однако между Финкельштейном и бейрутскими ревизионистами имеется значительное различие. Доктор Финкельштейн, сын людей, выживших в Холокосте, не стал участвовать в сомнительных с точки зрения закона дискуссиях о фактах, а сосредоточился на идеологической концепции, лежащей в основе культа Холокоста.

¹⁴ *European Jewry*, Jonathan Israel, Oxford, 1985

Конечно, он за это тоже поплатился. Во Франции на него подала в суд еврейская организация «Юристы без границ». Эти юристы молчали, когда израильское правосудие приговорило еврея, убившего нееврейского ребенка, к шести месяцам заключения условно. Они и пальцем не пошевелили, когда пятнадцатилетнюю девочку по имени Суад бросили в одиночную камеру, лишили помощи адвоката и подвергли моральным истязаниям. Мы не видели их в израильских военных судах, когда неевреи осуждались на длительное тюремное заключение исходя из ничем не подтвержденных показаний одного-единственного израильского солдата. Похоже, какие-то границы для этих юристов все-таки существуют.

Финкельштейн исследует секрет скрытого еврейского обаяния, открывающего для нас сердца американцев и сейфы швейцарских банков. Он приходит к выводу, что мы добиваемся своего, вызывая у европейцев и американцев чувство вины:

Культ Холокоста¹⁵ оказался незаменимым идеологическим оружием. Он превращает государство, обладающее одной из самых мощных армий в мире и неоднократно повинное в нарушении прав человека, в страну-жертву, и придает статус вечных жертв самой влиятельной этнической группе в США.

Проведя блестящий анализ культа Холокоста, Финкельштейн делает поразительное открытие: перед нами – всего лишь несколько клише, грубо и наспех сшитых скорбным голосом Эли Визеля.

Однако сам Финкельштейн своего открытия не замечает: он пребывает в убеждении, что культ Холокоста – великое изобретение, сравнимое с изобретением колеса. Оно решает вечную проблему: как богатым и влиятельным оградить себя от зависти и ненависти эксплуатируемых бедняков? Она позволяет Марку Ричу и прочим жуликам мошенничать и воровать, она позволяет израильской армии бесстыдно убивать детей и обрекать на голодную смерть женщин. Мнение Финкельштейна разделяют многие израильтяне. Лучшее всего выразил его в 1996 году Ари Шавит, известный автор, пишущий для *Haaretz*, сказав по поводу убийства армией Израиля около сотни гражданских беженцев в Кане, Ливан следующее: «Мы можем убивать, сколько влезет – музей Холокоста на нашей стороне». Ту же мысль выражали Боаз Эврон, Том Сегев и другие израильские авторы.

Тезис доктора Финкельштейна можно подытожить так: евреи решили задачу «квадратуры круга» – вечную проблему, не дававшую покоя аристократам и миллионерам-высочкам. А именно: они разоружили своих противников, сыграв на их сострадании и чувстве вины.

Меня восхищает упорная вера доктора Финкельштейна в человеческую доброту. Должно быть, еще он верит в фей. По моим оценкам, сострадание и чувство вины могут обеспечить бесплатную тарелку супа. Да и то не факт. Но никак не бесчисленные миллиарды долларов. Доктор Финкельштейн – не слепой. Он заметил, что цыгане – тоже жертвы нацистов – не получили от «сострадательной» Германии почти ничего. Способность американцев испытывать коллективную вину по отношению к вьетнамским жертвам (пять миллионов убитых, миллион вдов, города и селения, уничтоженные «агентом оранж») исчерпывающе отражена в недавнем заявлении государственного секретаря Уильяма Коэна: «Никаких извинений, не говоря уж о компенсациях, не будет. Война есть война». Но, несмотря на все эти факты, доктор Финкельштейн хватается за крест и пытается отпугнуть им вампира.

Что за топливо подпитывает индустрию Холокоста? Вопрос не праздный и не теоретический. У нас на глазах разворачивается очередная трагедия – медленное удушение палестинских поселений. Не проходит дня, когда бы в Палестине не срубили дерево, не снесли дом, не

¹⁵ Доктор Финкельштейн делает различие между «холокостом» как историческим событием и Холокостом – идеологическим культом. Для ясности я позволил себе изменить второй термин на «культ Холокоста».

убили ребенка. В Иерусалиме евреи отметили Пурим погромом неевреев, и новость об этом едва нашла себе место на шестой газетной полосе. В Хевроне парни из «Кахане» встречали Пурим на могиле Гольдштейна – убийцы трех десятков невинных людей. Может быть, хватит ходить на цыпочках?

Джеймс Джойс в «Улиссе» красноречиво выражает свое отношение к кровавой риторике борьбы за освобождение Ирландии: его Блум пукает у надгробья ирландского борца за свободу. Мой дедушка, мои дядья и тетки погибли во Второй мировой, но, клянусь их памятью, если бы я верил, что чувство вины за Холокост привело к гибели хоть одного палестинского ребенка – публично помочился бы на мемориал Шоа.

Шаткость культа Холокоста и одновременно легкость, с которой он засасывает в себя миллиарды долларов, доказывают, что за ним стоит реальная сила. Сила темная, невидимая, неназываемая – но реальная. Эта сила берется не от Холокоста – напротив, культ Холокоста является демонстрацией ее мускулов.

В новой религиозности США, называемой иногда «иудеохристианством», Холокост затмил Страсти Христовы, а образование государства Израиль – Воскресение. Евреи занимают центральное место в американском общественном дискурсе.

Вот почему все усилия ревизионистов обречены. Люди, навязывающие миру культ Холокоста, способны навязать миру что угодно – ведь общественный дискурс в их руках. Культ Холокоста – лишь немного из того, на что они способны. И откровения доктора Финкельштейна вызовут у них только усмешку, обнажающую клыки.

Камикадзе из Калифорнии

Слабо пройти по проводам ЛЭП? Обидеть медвежат на глазах медведицы? Отвесить леца десантнику? Bravo. Тогда вам к ОХлам – Отрицателям Холокоста. Они не чтут еврейский Холокост 40-ых годов должным образом, считая это всего лишь одной из многих катастроф, которое успело пережить человечество. Они не верят в сакральные шесть миллионов жертв, не верят в газовые камеры и в индустрию геноцида. ОХлы – члены небольшой, но убежденной секты, которая включает и немецких старушек, и французских историков, и американских активистов. Для евреев они – еретики, а ересь подлежит искоренению, причём, как и во времена инквизиции, светскими судами.

В наши дни можно безопасно отрицать Воскресение Христово, сомневаться в Искуплении Грехов, в Троице. Не страшно даже опровергать мифы основания Израиля. И только догмат Холокоста неприкосновенен, как священная корова. За посягательство на истинность его утверждений можно схлопотать срок. Однако, догмы, как сирены, манят пытливые умы.

Недавно в секте ОХлов объявился новый камикадзе – миллионер, айтишник, известный издатель, публикатор, журналист-расследователь, ранее на эту тему никогда не высказывавшийся – Рон Унз из Калифорнии. После ряда взрывных публикаций – убийство Кеннеди, измена Маккейна, 9/11 – Унз внезапно разразился длинной, в 15 000 слов [статьей о Холокосте и его отрицании](#), а заодно разместил на своем ресурсе несколько основных статей и книг на ОХ-тему.

Рон Унз пишет, что догмат еврейского Холокоста возник через много лет после окончания 2-й мировой и по уходу в иной мир непосредственных свидетелей тех событий – в начале семидесятых; до этого само слово «Холокост» относилось только к варварским бомбардировкам союзниками Дрездена и японской Хиросимы, а о массовой гибели евреев в индустриальных масштабах не слышали даже историки войны. О ней не упоминали ни Черчилль, ни Эйзенхауэр, ни де Голль. Американцы относили эти рассказы к категории разнuzданной военной пропаганды, вроде немецких солдат первой мировой, жаривших бельгийских младенцев на своих штыках. Но затем внезапно Холокост стал установленным историческим фактом. В ответ появилось ОХ.

Первые ОХлы появились во Франции, под влиянием уцелевшего в нацистских лагерях коммуниста профессора Поля Рассинье (Paul Rassinier), затем подтянулись немцы, а позже и англичане и американцы. Это были люди разных убеждений: этнические немцы Ernst Zundel и Ingrid Zundel придерживались откровенно про-нацистских взглядов и считали Холокост поклeпом на нацистов; профессор-француз Robert Faurisson симпатизировал правительству Виши (французское коллаборационистское правительство при немецкой оккупации), но многие другие были левыми, как недавно умерший профессор Serge Thion, которого я знал лично. В своё время, оставив выгодное положение в обществе, профессор целиком посвятил себя ОХ-теме, что в конечном итоге вынудило его скрываться от французских шпииков в разных странах. Тем не менее, будучи постоянно «в бегах», он ухитрялся вести свой ревизионистский сайт.

Maria Roumier – французская и испанская поэтесса-коммунист, мой друг, прожившая около 10 лет на Кубе, познакомила меня с Roger Garaudy, тоже старым коммунистом, защитником мусульман и арабов. Он пытался сплавить христианство с идеями коммунизма, принял ислам и написал книгу, в которой назвал нарратив Холокоста – фундаментальным сионистским мифом. Дьедонне Мбала Мбала – талантливый французский комик (Dieudonne M'bala M'bala) высмеивал Холокост и даже баллотировался в парламент от Национального Фронта Мари Ле Пэн. Это его арестовали за шутку в ФБ о расстреле редакции «Шарли Эбдо» (кстати, весьма пошлого издания), когда во время объявленного в Париже траура, он сравнил себя с

Шарли Кулибали (объединив название редакции с фамилией террориста, напавшего на магазин кошерных продуктов).

В мейнстримной меди ОХлов обычно клеймят ярлыками «нацистов», хотя в действительности многие принадлежат левым партиям. Даже меня до кучи записали в ОХлы, – лишь за то, что был готов их выслушать, хотя я никогда не отрицал (впрочем, и не подтверждал) масштаб ужасов Холокоста: я, знаете, законопослушный гражданин. К тому же, меня никогда не интересовали факты – только их интерпретация.

Тем не менее, я отрицаю. Отрицаю религиозный «спасительный» привкус в термине Холокост – жертвы всеожжения; отрицаю метафизическую уникальность этого явления; отрицаю этот покойнический культ и считаю, что все, и евреи, и мусульмане и христиане, должны, как в своё время праотец Авраам, разбить этого идола. Я отрицаю благотворность этого пост-травматического синдрома, выродившегося в увековечивании ужасов войны. «Любите друг друга сейчас, другой жизни не будет», как сказал Омар Хайям, и предоставьте мертвых – мертвым. Я немало писал против нынешнего болезненного интереса к массовой гибели – будь то еврейский Холокост 40-х, армянская резня 1915, украинский голодомор, Катынь, Красные Хмеры и т. п.

Однако, вернёмся к Рону Унзу. Он весьма благоразумно уклонился от обсуждения inferнальных подробностей: размеры печей, подсчёт числа трупов, и т.д. Унз – мета-рассказчик. Он не пережевывает реалистические подробности гибели евреев, а исследует мета-нарратив, то есть обсуждение темы, не вдаваясь в ее детали. Не стоит перегружать читателя мрачными подробностями. В конце концов, одни люди других во все века убивали пачками. И будут, скорее всего. Что же с этим делать? Главный вопрос, к которому нас приводит статья Рона Унза, это не «действительно ли 6 млн евреев убили лишь за то, что они родились евреями?», а «отчего культ Холокоста с его храмами в виде музеев Холокоста, выскочившими как грибы после дождя по всему миру от Небраски до Фиджи, стал так популярен?» Ответы на этот последний вопрос имеются, и их несколько.

Итак.

Первый ответ – самый очевидный. Это выгодно жуликоватым евреям, позволяет им приумножать богатство и отводить от себя зависть и ненависть обманутых бедняков. На Украине и в России еврейские олигархи пользуются этим громоотводом, когда их обвиняют в воровстве народного достояния. (Когда дербанили медиа-холдинг «Мост» Гусинского, тот сразу заявил об антисемитизме. Правда, на тот момент не помогло. Но ведь идея защиты понятна?). Это помогало Бернарду Мэйдоффу, создателю финансовой пирамиды, долгое время богатеть, обворовывая тысячи людей (кончил он пожизненным заключением). Это страшит трех одиозных евреев Коэна, Пекера, Вейсельберга, подставивших Трампа в деле порно-актрисы. Кто их помянет – сразу зачисляется в подельники палачей Освенцима.

Второй ответ – это выгодно Израилю, как отмазка для армии. Как заявил Ari Shavit газете *Haaretz* в 1996 когда Армия Израиля убила более сотни гражданских беженцев в Кане, Ливан: «Мы можем убивать безнаказанно, так как на нашей стороне музей Холокоста». Международный Альянс в Память о Холокосте (IHRA) навязывает всему миру своё определение антисемитизма, в котором критика политики Израиля приравнивается к антисемитизму(!). Так, недавно лидер партии лейбористов в Британии, Джереми Корбин, был вынужден капитулировать, приняв IHRA определение. Борьба длилась все лето. Корбин отстаивал своё определение антисемитизма, позволяющее свободную критику правительства Израиля. Ан нет. МИД Израиля в шоколаде.

Третий ответ – это золотая жила для еврейских организаций, представляющих интересы жертв Холокоста. Миллиарды долларов в качестве компенсаций выкачивают из Германии, Швейцарии, Польши, Эстонии и других стран. Львиная доля «барыша» оседает в руках функционеров и только крохи доходят по прямому адресу – конкретным людям. Этот механизм

обогащения наглядно продемонстрирован в книге Нормана Финкельштейна (“The holocaust industry”), на которую, кстати, ссылается и Рон Унц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.